

РЕВОЛЮЦИЯ

NEXT

КИРИЛЛ ЛУКОВКИН

ЦИТАДЕЛЬ

Революция NEXT

Кирилл Луковкин

Цитадель

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луковкин К.

Цитадель / К. Луковкин — «Эксмо», 2016 — (Революция NEXT)

ISBN 978-5-699-92547-6

Рик родился и вырос в Коммуне Омикрона, замкнутом пространстве, за стенами которого только тьма и чудовища. Покровитель людей – бог Машины, их жизнь полна смертельных опасностей и испытаний. Но перейдя на третий уровень жизни, Рик выясняет, что жрецы лгут. Коммуна не единственное сообщество людей, а Омикрон – только один из множества секторов Термополиса, высокотехнологичного мира, созданного умом и руками человека. Рик бежит из Коммуны, чтобы найти и включить загадочный генератор, дающий его миру энергию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92547-6

© Луковкин К., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	19
5	25
6	28
7	34
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кирилл Луковкин

Цитадель

© Луковкин К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1

Бегун справа упал. Рику едва удалось увернуться. Перед глазами мелькнул хлыст с утолщением на конце, оцарапав щеку. Рик не остановился. Упавший был не жилец, и о нем следовало забыть, как о вчерашнем сне. Плющ утащит его в гнездо и спокойно переварит там, словно большую сонную муху.

Рик и еще пятеро парней продолжали Весенний Бег. Их стартовало десять. Десять претендентов, но в конце победит только один – самый сильный, самый опытный. Остальным здорово повезет, если к концу круга они доберутся хотя бы живыми.

Минуту назад они ступили в слепую зону – ту часть коридора, которая не освещалась ни дневными лампами, ни аварийными прожекторами. Зона сплошной тьмы. Рик натянул очки с ультрафиолетовыми фильтрами. И вовремя – прямо под ногами оказался древний, иссушенный скелет, покрытый лохмотьями. Оскаленные зубы сияли в зловещей усмешке. В черной глазнице копошилась здоровенная сколопендра. Рик легко перепрыгнул через преграду.

Бег продолжался. Бегом он назывался по традиции, доставшейся от предков, когда те действительно бежали по коридорам, стараясь преодолеть расстояние на время. Старая забава, родившаяся во времена, когда человек мог позволить себе свободно гулять по всем коридорам без опаски. Но те времена давно прошли.

Претенденты двигались быстрым шагом. Каждый имел право преодолевать дистанцию так, как хотел. На любой скорости. Главным правилом Бега было одно: не останавливаться. Пока соперники держались кучно – слишком велика была исходившая отовсюду опасность. Но когда слепая зона закончится и они преодолеют Галерею, начнется настоящая борьба.

Рик намеренно дал соперникам фору. Берег дыхание. Взяв средний темп шага, он жадно осматривал простиравшееся вокруг пространство. В повседневной жизни ему никогда не удалось бы увидеть то, что скрывали за собой толстые заградительные барьеры сектора. Ведь Коммуна занимала едва ли четверть всего обитаемого мира.

Бегун слева – долговязый парень – с ходу влетел во что-то пружинящее, словно сам воздух сгустился до прозрачного желе, которое натянулось и оттолкнуло человека назад. Парень истошно заорал: руки и ноги зацепились за тускло блестящие серебряные нитки. Рик мысленно простился с бывшим земляком. Он не испытывал к нему жалости, но прекрасно понимал всю степень ужаса, который тот сейчас испытывал. Когда шум удаляющихся шагов стихнет и он останется один болтаться в ловушке, из недр вентиляции спустятся многоногие чудовища, сам внешний вид которых способен вызвать обморок даже у храбреца.

Осталось пятеро.

Один сорвался в пропасть еще в начале, уворачиваясь от падальщиков.

Другой решил срезать дистанцию по одному из заброшенных тоннелей. Глупец.

Третий не выдержал и повернул назад. Трус. Коммуна воздаст ему.

Четвертого утащил плющ прямо перед носом у Рика.

И вот пятый...

Рик мог бы оказаться на месте любого из них.

Они продолжали Весенний Бег. Слепая зона почти закончилась. Откуда-то сверху дул пронизывающий сквозняк, донося до ноздрей густой запах гниения. Даже думать не хотелось, что может издавать столь отвратительные миазмы. Рику становилось тяжело дышать, сердце тяжело застучало в груди, ноги налились свинцом... ну конечно! Позади на пол со стоном упал еще один несчастный.

Пошатываясь от сонного газа, Рик задержал дыхание и максимально ускорил бег, чтобы пройти эту опасную зону.

И вот – свет.

Четверка бегунов выскочила из слепой зоны под бледный свет потолочных прожекторов. Рик не удержался и оступился. На мгновение его разум утратил контроль над телом, и в этот миг Рик молил всех богов Пространства, чтобы сзади, сверху или снизу его не сцапала какая-нибудь тварь. Припав на колено, он наблюдал, как троика лидеров скрывается за поворотом. Звонкое эхо их Бега отскакивало от решетчатого пола.

Каждое мгновение было на счету. Не потому, что разрыв увеличивался. Вернее, не только поэтому. Гораздо страшнее то, что окружало человека Коммуны за стенами сектора, – то, что обитало в этом внешнем враждебном Пространстве. Рiku слышалось шуршание у самого уха – словно трепещут крылышки мотылька, а потом тихое шипение, похожее на далекие вздохи. Оно словно бы подбиралось к нему, подкрадывалось, чтобы нежно прикоснуться к коже шеи, погладить, а затем...

Старики рассказывали, что именно так оно усыпляет бдительность.

– Бог Машины, храни меня! – пробормотал Рик и сорвался с места.

Сердце бешено стучало в груди. Рика охватил животный ужас – так себя чувствует мышь за секунду до того, как ее схватит когтями хищная птица. Не смея оглянуться, он бежал из последних сил в надежде оторваться, скрыться, ускользнуть от смертельной опасности. Коридор плавно изгибался вправо, следуя Великому Кругу Жизни. Впереди показалась спина замыкавшего троицу. Рик приободрился. Но радоваться было еще рано.

Скоро начнется Галерея.

Так обитатели Коммуны называли часть Пространства, которая не ограничивала взор потолком и стенами, столь привычными обыкновенному человеку. Внезапно коридор закончился, и трасса словно прыгнула в пустоту. Но, конечно, это впечатление было обманчивым, потому что бегуны попали в очень большое помещение, у которого имелись и потолок и стены, но на такой умопомрачительной высоте и расстоянии, что еле виднелись вдали. Казалось, неуловимая беспощадная сила сейчас слизнет тебя с узкой полосы трассы и забросит в вечную древнюю тьму. Едва Рик выскочил из коридора на Галерею, древний инстинкт заставил припасть к спасительному покрытию дороги.

Присев на корточки, вцепившись пальцами в решетчатую поверхность мостика, Рик со смесью страха и восхищения смотрел на окружавшие его изгибы Галереи. Порыв ветра ударил в лицо, и все потемнело перед глазами, потому что показалось, будто летит вниз. Но нет, он по-прежнему цеплялся за мостик, стараясь приноровиться к этому новому положению.

Теперь-то Рик понимал, что было главным испытанием в Весеннем Беге.

Много раз он слышал об этом, но никакие слова не сравнятся с тем, что видели сейчас глаза. Мир перевернулся: Рик словно попал в огромный зал с бесконечно простирающейся равниной пола и небесами потолка и полз по тростинке мостика вверх, как таракан. Но впечатление было обманчивым. Две бесконечные плоскости – просто стены, убегающие вверх и вниз. Рик убеждал себя в этом, но картинка бессознательно трансформировалась в мозгу в обратное. Он долго смотрел на открывшийся пейзаж, не в силах оторваться от геометрического совершенства отвесных равнин-стен.

Трое соперников впереди тоже замедлили движение. Один, так же как и Рик, припал на корточки, не в силах совладать с фобией, другой нашел в себе силы держаться прямо, но неподвижно, а третий упрямо шаг за шагом продвигался дальше, склонив голову как при сильном встречном ветре.

Рiku снова померещился призрачный шепот и вздохи – так близко, что на затылке вздыбились волосы. Преодолевая страх, он на четвереньках пополз вперед. Он не хотел прийти к финишу первым. Он хотел всего лишь пройти Великий Круг Пространства, завершить Весенний Бег и перейти на новый уровень жизни.

Мостик тянулся над бездонной пропастью, которая простиралась до самой преисподней. Говорят, если человек сорвется, он будет падать бесконечно, пока не сойдет с ума. Это и есть ад.

Рик зажмурился от головокружения.

Лучше не смотреть вниз. И он стал смотреть вперед, методично преодолевая отделявшее от конкурента расстояние. Двое других уже добрались до конца Галереи. Когда он поравнялся с застрявшим на мостике, тот вскрикнул:

– Подожди!

Рик продолжал движение. Он знал, чем кончаются такие разговоры. В прошлом году один бегун решил вытащить другого, и оба отправились на свидание с вечностью. Рука вцепилась Рик в лодыжку. Он дернул; хватка была крепкой.

– Отпусти!

– Нет! Вытащи меня! Прощу тебя! Мы никому ничего не скажем!

Рика охватила злость. Он лягнул ногой и попал во что-то мягкое. Раздался возглас боли и удивления, но нога по-прежнему была как в капкане.

– Нет!

Несмотря на то, что мостик Галереи имел перила, бегун потерял точку опоры и опасно зашатался на краю. Еще немного, и он утащит с собой Рика. В глазах бегуна отражался ужас. Тогда Рик собрался с силами, выпрямился и со всей силы ударил соперника в челюсть. Тот упал как подкошенный, всхлипывая и бормоча проклятия. Рик поспешил вперед, а вслед ему неслись жалобные ругательства. Возможно, из-за стычки, а может быть, благодаря своей выносливости Рик уже не чувствовал такого ужаса перед бездной и смог встать с корточек, продвигаясь дальше в позе крадущегося человека. Он ни на секунду не отрывал рук от перил и краем сознания стал понимать – если отпустит, ничего не случится. Почти дойдя до противоположного входа в маршевый коридор, Рик задержался на пару мгновений, чтобы еще раз оглянуться назад и запомнить Галерею с окружающим ее Пространством.

Это было великолепно.

Рик нырнул в жерло коридора.

Следующий, последний отрезок дистанции назывался Трубой. Трубу следовало пробегать на максимальной скорости и ни в коем случае не смотреть по сторонам. Иначе – смерть. Так утверждали бывалые сплетники. Рик был достаточно умен, чтобы не принимать всерьез досужие сплетни, и достаточно разумен, чтобы не пренебрегать ими. Немного отдохнув перед заключительным рывком, он побежал. Впереди послышался далекий шум голосов – это Коммуна приветствовала победителя.

Покрытие Трубы пружинило под ногами. В лицо дул сильный сухой ветер, мгновенно высушивший пот на лбу. На протяжении всей трассы до дома Труба пересекалась обручами, разделявшими ее на сегменты. Рик бежал, наблюдая за тем, как стальные обручи приближаются и исчезают позади. Они говорили, нельзя смотреть по сторонам. Тогда он посмотрит вверх. Ничего особенного. Обычные лампы. А что, если смотреть под ноги? Решетчатый пол, под которым тянется ложбина с хитросплетениями животворных проводов, коробка и лампы аварийного освещения, бледное лицо, перегородки между сегментами...

Лицо?

Рик остановился как вкопанный. Сердце пронзил холодный кинжал ужаса. Бежать дальше! Дом близко, но Пространство коварно и полно ловушек! Рик оглянулся. Труба хранила молчание, ни звука больше не доносилось ни спереди, ни сзади. Без колебаний он побежал бы дальше, будь то лицо маской мертвеца или рылом чудовищной твари вроде ночного ползуна. Но там, внизу, он увидел живого человека.

Медленно Рик вернулся в предыдущую секцию Трубы и снова посмотрел вниз. Под полом в неестественной позе лежала девушка. Увидев его, она открыла рот, словно хотела закричать, и промолчала. Отчаянно рванулась, но не смогла убежать. Ее рука застряла в блоке распределителя питания. Не понимая, почему он это делает, Рик спрыгнул с помоста, пролез под опорами и оказался с девушкой лицом к лицу.

На ее шее не было печати Коммуны.
Чужая!

Смотритель говорил о племенах варваров, что живут за пределами сектора. Но для дикарки она выглядела слишком опрятно: облегающий серый костюм, белая кожа, медная ржавь волос, ладное лицо без уродств и внимательные, блестящие от боли глаза. Рик потянулся к руке, застрявшей в скобах щитка по предплечью. Девушка отшатнулась, закрыв лицо свободной ладонью.

Кость была цела. Требовалось разжать пружину. Рик сделал упор в нужных местах и, приложив силу, смог слегка раскрыть зажим. Девушка мгновенно выдернула руку. Отскочила за опору и попятилась к стене. Стены Трубы были испещрены дверьми.

– Спасибо.

Девушка скрылась за одной из дверей прежде, чем он смог что-то ответить. Рик смотрел на дверь, сомневаясь в реальности происшедшего. Очнувшись от чужого взгляда. Обернувшись, увидел того бегуна, что чуть не сорвался с мостика на Галерее. Кажется, его звали Иешуа. Перед началом забега он хвастался громче всех, что пройдет дистанцию. Бегун посмотрел на Рика сверху вниз, а затем побежал по Трубе к дому. Рик вскарабкался на помост и последовал за ним.

Он закончил Весенний Бег последним.

На этот раз забег прошли четверо.

2

Смотрителя Креза боялись и уважали. Боялись за его хитрость и жестокость. Уважали – за умение читать. Все лицо главы Коммуны от лба до подбородка по диагонали пересекал косой безобразный шрам. Говорили, это отметина бога Машины, которую Крез заработал, будучи еще молодым и горячим воином – в те времена, когда Коммуна ходила войной на варваров за пределы барьера.

В те благодатные, урожайные времена.

Ныне уважаемый патриарх, Крез стоял на помосте, взявшись за перила, и смотрел вниз, на людей Коммуны. Тут же находился Рик, вместе с парнями, что совершили Весенний Бег в этом году. Ровно месяц продолжались испытания молодых. Тридцать дней испытаний, в которые, кроме Бега, входило Стояние над пропастью, Хождение по стенам, Поединок в яме и Охота на падальщиков. Все это называлось Танец Весны, и жизнь водила со смертью свой хоровод тридцать дней. Выжившие переходили на новый уровень. Погибшие становились приношением богу Машины.

Вчера Танец Весны кончился. В этом году жертвоприношение было обильным. Почти треть молодых людей, достигших двадцатилетия, погибла, сгинула в пропасти или пропала без вести в лабиринтах Пространства.

Крез не скрывал удовлетворения.

– Люди Коммуны! – воззвал он к толпе. – Бог Машины доволен нами!

Шепот. Обращенные кверху лица казались восковыми масками с дырами, где вместо глаз блестели стекляшки.

– Бог услышал наши молитвы и принял наши подношения! Наконец-то он смилостивился к нам, праведным людям Коммуны Омикрона! Зима закончилась. Сегодня иней на конденсаторах уменьшился на палец! А это значит, что холод отступает!

Толпа возбужденно зашумела.

– Великий Круг Жизни совершает свой ход! Ура!

Крез взметнул кулак в победном приветствии. Толпа радостно ответила ему. Но Рик видел, что это была голодная радость – хотя губы людей тронули улыбки, на лицах сияла суровая печать голода и лишений. Коммуна страдала от заморозков не первый год, а продовольственные запасы таяли неуклонно, отчего приходилось урезать пайки. Даже несмотря на наличие фермы и регулярные вылазки за барьер, продуктов еле хватало, чтобы накормить людей.

– А теперь поприветствуем прошедших испытания. – Крез указал на группу молодежи, вставшую поодаль от основной толпы. – Эти юноши и девушки успешно перешли на новый уровень жизни!

Публика разразилась аплодисментами и одобрительными выкриками.

– Это новое поколение доказало, что достойно занять место в обществе Коммуны Омикрона. Каждый из них займется своим делом, чтобы приносить Коммуне пользу. Они будут работать на фабрике, на ферме, в коридорах сектора наравне с нами. Теперь они – наши братья и сестры.

Снова одобрительный гул.

– Как всегда, особенно я хотел бы выделить тех, кто отважился на Весенний Бег и пробежал по Великому Кругу Жизни. Вот они, эти храбрецы!

Крез отступил, жестом приглашая Рика и остальных подойти поближе к парапету, навстречу новому прибою оваций – искренних, радостных, бурных оваций, потому что в толпе непременно находился чей-нибудь отец или мать, брат или сестра, дедушка или дядя и все они молили бога Машины, чтобы их близкие вернулись живыми. Конечно, не каждая молитва

была услышана, но такова воля бога, и ни одному смертному не дано перечить ему. Хотя Рик не мог видеть, он знал: где-то здесь стоит и его сестренка Аврора.

– Эти юноши и девушки показали себя настоящими бойцами, – продолжал Крез, – а значит, они достойны выполнять самую почетную и ответственную работу: охранять спокойствие Коммуны, защищать ее от внешних врагов и вредителей. Для меня честь представить вам новых бойцов Патруля! А победитель забега, Гас, назначается старшим по уровню!

Радости присутствующих не было предела. Рика охватила сладостная дрожь. Двадцать лет он шел к этому моменту – и вот он наступил. Лица людей слились в одно живое пятно, все подернулось дымкой. Рик вцепился в парапет, шатаясь от головокружения. Ему удалось! Его переселят на верхние этажи-уровни, в более просторную комнату, где будет теплее и светлее и больше паяк, а значит...

Кто-то грубо толкнул его под ребра. Рик обернулся. Это был Иешуа.

– Дай дорогу Смотрителю! – рявкнул он.

Действительно, Крез снова выступил вперед. Толпа утихла. Дождавшись, когда шум угаснет, Смотритель заговорил, и на этот раз в его голосе проступила сталь.

– Наша великая Коммуна существует вот уже тысячу лет, с самого сотворения Пространства богом Машины. Мы – избранный народ, настоящие праведники. Но великий бог постоянно посылает нам испытания, чтобы проверить стойкость и веру людей Омикрона в порядок вещей. На наших предков нападали орды чудовищ из внешнего Пространства, они терпели лишения, голод и мор от страшных болезней, но выстояли в этих суровых испытаниях, доказав свое величие! Если бы не их сила, нас бы сегодня не было! Лишения делают человека сильнее, и чем больше трудностей, тем сильнее мы становимся.

Крез сделал паузу. Толпа слушала в гробовой тишине.

– Испытания не кончились. Это хороший знак. Бог хочет убедиться в нашей верности. Он хочет удостовериться, что сила не покинула нас. Мы с честью выдержали суровые холода. Скоро созреет новый урожай, и нам не придется экономить на еде. Но на этом беды не закончились! Коммуне Омикрона угрожает новая опасность!

Крез обвел толпу взглядом, в котором Рик с содроганием прочел мистический экстаз, граничащий с безумием.

– Позавчера северный Патруль поймал трех лазутчиков из внешнего Пространства! Эти грязные варвары хотели разнюхать все про нас, чтобы напасть на Коммуну. Их армия там, снаружи, готова ворваться сюда, чтобы грабить, жечь и убивать!

Толпа ахнула.

– Мужчин они убьют, женщин уведут в рабство, а с детьми и стариками сделают такое, о чем у меня даже язык не поворачивается сказать! Но мы будем готовы. Мы допросили негодеев и выведали планы врага. Им не застать нас врасплох! Никогда этого не будет! Коммуна Омикрона отразит любую угрозу. Мы хотим мира, но готовы к войне. Одного из шпионов мы отпустили назад, чтобы он передал их вожакам предупреждение не соваться к нам. Второй совершил самоубийство прежде, чем мы смогли его спасти. А вот третьего я передаю вам на суд, люди Коммуны. Вот он!

Крез сделал знак, и на середину площади вышел конвой со связанным человеком. Человек этот, мужчина, сильно хромал, его поддерживали под локти. Голова бессильно повисла на плечах. В полной тишине пленника ввели в образовавшийся круг. Стража отступила. Почти сразу же он опустился на колени.

Толпа жадно рассматривала его. Рик тоже пригляделся и с удивлением увидел, что мужчина одет в серебристый костюм, порядком испачканный, в одежду, которую он уже где-то видел...

– Вот он! – крикнул Крез. – Враг!

Толпа зароптала. На пленника показывали пальцами. Люди с ненавистью разглядывали его, как опасного хищника.

– Эй, ты! – крикнул Крез. – Зачем вы пришли к нам? Отвечай!

Один из стражников ткнул мужчину жезлом; тот застонал. Крез повторил вопрос, но, кроме мычания, пленник не смог произнести ничего внятного. Лицо его было сильно изуродовано, глаза затравленно метались по сторонам. Он рванулся, но тут же упал навзничь. Толпа отшатнулась. Завизжали женщины.

– Они даже говорить толком не могут! Ревут как звери!

Какой-то мужчина подошел и плюнул пленнику в лицо. Другой подскочил, чтобы ударить под дых.

– Довольно! – рявкнул Крез. – Не будем уподобляться этим зверям. Люди Коммуны, братья и сестры, послушайте! Я отдаю этого варвара на ваш суд и спрашиваю вас: как с ним поступить? Я сделаю так, как вы скажете. Но не буду скрывать, что этот зверь тяжело ранил одного из наших патрульных. Итак, я слушаю ваш приговор.

Толпа хранила молчание. Люди переминались с ноги на ногу, человеческое море волновалось, по нему прокатывались волны, а голодные глаза с ненавистью разглядывали скорчившееся посреди площади тело. А потом кто-то крикнул:

– Смерть варварам!

Ему вторил голос с другого конца площади. И, как эхо, этот крик стал отскакивать от стен, множиться, чтобы охватить всех присутствующих. Вскоре толпа скандировала:

– Смерть варварам! Смерть, смерть!

Крез жестом успокоил шум.

– Я правильно понял приговор?

– Да! – заревели сотни глоток.

– Именем Коммуны Омикрона! Как верховный судья и исполнитель воли народа, приговариваю тебя, варвар, к смертной казни.

Пленник едва приподнял лицо к свету прожекторов. В его груди послышался хрип.

– Мы проявим милосердие и лишим тебя твоей жалкой жизни без лишних страданий.

Толпа одобрительно загудела.

– Привести приговор в исполнение!

К мужчине подошли двое стражников, один скрутил его сзади, а другой вынул жезл, включив оружие на максимальную мощность. Пленник дернулся, выплюнул кровавый ком и, прежде чем смертельная молния превратила в ничто его разум, выкрикнул:

– Нет! Нужно включить гене...

Спустя мгновение он был мертв. Крез обратился к присутствующим:

– Братья и сестры! Учитывая сложившуюся ситуацию, я прошу у вас разрешения вершить правосудие от имени Коммуны впредь по своему усмотрению, законно и справедливо.

Народ одобрительно загудел. Толпа стала медленно расходиться. Потеряв ориентацию, ошеломленный Рик наткнулся на кого-то. Это был сам Крез. Их глаза встретились.

– Поздравляю. – Глава Коммуны сжал Рiku ладонь и скрылся в сопровождении охраны.

Рик повернулся назад, к площади. С тела варвара уже сдирали одежду. Через полчаса оно исчезнет – утащат люди с нижних уровней. Те, у кого совсем маленький паек.

3

– Вернулся! – провозгласила Аврора, когда Рик переступил порог комнаты.

Он потрепал сестру за кудряшки, отметив, что совсем недавно она доставала ему едва ли до пояса, а сейчас уже почти на уровне груди. Растет.

В комнате кто-то сидел; Рик сразу чувствовал присутствие чужого человека. Им оказался старый Киото.

– Здравствуй.

– Здравствуйте.

– Я тут помог Авроре немного прибраться, – заулыбался Киото, превращая лицо в сплошную сеть морщин, в которой тонули глаза, нос и все остальное. Кроме зубов, те блестели ровными белыми рядами.

– Благодарю, но чем обязан? – насторожился Рик. За последнюю неделю он здорово утомился. Каждый день приходилось идти в наряд. Напряжение не покидало его даже во сне.

– Давайте обедать! – сказала Аврора.

– И то верно, – согласились все.

Рик методично поглощал свой паек. Теперь его рацион пополнился: к картошке, хлебу и бобам добавился ломоть мяса. Мясо! Незаметно, пока вертлявая сестра лазила под стол за оброненным куском, он подкинул ей ломтик. Киото одобритительно кивнул. Рик отодвинул тарелку, хлебнул из кружки жидкость, именуемую пивом, – баланду из перебродивших ячменных колосьев, что не проросли на ферме. Взглянул на часы.

– Сегодня не ваша смена?

– Ага. – Киото по кусочкам отправлял хлеб в рот.

Рик кивнул.

– Поздравляю тебя, Рик. В твоей жизни наступил новый важный этап.

– Да, спасибо. Все так говорят.

– Наверно, устал выслушивать.

– Вы всегда зрите, как это называется... в корень.

– Ты образованный малый. У тебя большое будущее.

– Ближе к делу.

Рик не любил долгие разговоры.

Перед сном он хотел почистить новую форму – темно-синий мундир, который ему выдали после переезда наверх. Форма была красивая. На груди красовался иероглиф Коммуны, символизирующий собой Круг Жизни – «О». Омикрон. Теперь он будет ходить в ней следующие десять лет, до своего тридцатилетия, чтобы снова пройти испытания, предписанные Комитетом, и решить свою судьбу. Как и все люди сектора. Так было, так будет.

– Да, ты прав. – Киото погладил Аврору. – Сходи поиграй, малышка.

Аврора показала старику язык и исчезла. Все относились к старикам с долей пренебрежения, ведь круг их жизни подходил к концу.

– Та казнь... – начал старик.

– Была необходима.

– Да. Но... – Киото замаялся.

Рик стал собирать посуду со стола. Сложил все в раковину и сел на место Авроры.

– Что вы хотите сказать? Говорите прямо.

– Хорошо. Слова Креза об армии варваров и о лазутчиках – ложь. Теперь сдавай меня Патрулю. Это твоя прямая обязанность.

– Еще успею.

Киото сглотнул. Выглядел он не лучшим образом. Как и все с нижних уровней. От старика пахло. Там, внизу, экономили на всем, от освещения до воды. Холодная логика выживания: старики уже одной ногой в могиле, так зачем тратить на них ресурсы? Хотя перемещаться можно было по всему сектору, Патруль зорко следил, чтобы каждое поколение находилось на своем уровне.

– Ладно. Ты знаешь, сколько мне лет?

– Не понимаю, к чему это.

– Отвечай на чертов вопрос.

И правда, сколько? Рик впервые задумался над этим. Киото был стариком, когда Рик родился и еще живая мать работала на ферме, остался стариком, когда появилась Аврора, а Рик возмужал, и ни капли не изменился с тех времен. Старик – он и есть старик, какая разница.

– Не знаю.

– То-то и оно. Мне семьдесят пять полных лет, и треть своей жизни я провел внизу, ковыряясь в трубах. Меня отправили вниз, когда тебя еще на свете не было, а твою мать не пригнали из соседнего сектора в рабство.

– Что?

– Думал, что она родилась и прожила здесь всю жизнь? Нет, дружище. Она была рабыней, как и многие другие женщины, которых пригнали, когда местных девиц поразило массовое бесплодие. Великая Коммуна должна жить.

– Ты лжешь!

Киото грустно улыбнулся.

– Но как... Это невозможно... За пределами барьера...

– Живут дикие племена варваров. Пространство полно чудовищ, и ни один нормальный человек не сможет продержаться там и дня. Да, об этом говорит Комитет.

– И что? Вы хотите сказать, что это не так?

Киото испытующе смотрел на Рика.

– Вы понимаете, что это ересь?

– Сейчас это не важно, сынок. Мы начали с моего возраста, поэтому давай двигаться по порядку.

– Какой смысл мне выслушивать эти глупости? – фыркнул Рик. – У вас там, внизу, совсем разум помутился.

– Возможно, – кивнул Киото. – Да только почему, когда казнили того варвара, ты остался на площади?

Рик молчал. Старик продолжал:

– Я давно наблюдаю за тобой. Ты гораздо умнее своих сверстников, Рик. Это дает нам шансы. Никогда бы я не завел этот разговор, если бы не был уверен в успехе. Поэтому прошу: вначале выслушай меня, а потом поступай как считаешь нужным. Идет?

– Да, – угрюмо сказал Рик.

Киото перевел дух.

– Итак. Мы, люди Коммуны, были созданы в недрах Пространства великим богом Машины, который наделил нас разумом и позволил заселить сектор Омикрон. Пространство бесконечно и простирается вокруг нас во все стороны: вверх и вниз, вперед и назад, налево и направо.

Киото повторял общеизвестные слова из Трактата о Машине, которым с пеленок учат каждого малыша. Он говорил о том, что первые поколения людей жили при золотом веке и ни в чем не нуждались: у них были обильные запасы вкусной еды, в домах было тепло, и никогда они не знали ни болезни, ни войны, а значит, жили долго и счастливо. Но на смену золотому веку пришел серебряный, когда человек стал смертным, и начались раздоры. Вслед за ним

начался железный век – и срок жизни сократился. А на смену железнному пришел темный век, в котором люди Коммуны живут и поныне – суровое время холода, лишений и борьбы за жизнь.

– К чему все это? – не выдержал Рик. – Каждого ребенка учат этому в начале Круга Жизни.

– Имей терпение! – оборвал Киото. – Мы почти добрались до сути. За всю нашу историю Коммуну всегда возглавлял Смотритель – человек, который мог общаться с богом Машины через жрецов.

– Все верно.

– Смотритель руководит Комитетом, куда входят его приближенные. Каждый из них контролирует свой уровень сектора. Только члены Комитета могут читать тайные знаки и иероглифы, что оставил бог Машины на стенах людям для подсказки. Остальным это категорически запрещено.

– Таков закон.

– Да. Только Смотрителю и его жрецам дозволено заходить в святилище Техники и говорить там с великим богом.

– Правильно.

– А что, если я скажу тебе, что тоже умею читать эти письмена?

– Я вам не верю, – засмеялся Рик.

– Разумеется, ты не веришь. Поэтому я покажу тебе кое-что.

Рик насторожился.

– Не бойся, – сказал старик, – это всего лишь рисунок.

И он вынул из-за пазухи сложенный во много раз кусок бумаги, такой ветхий, что места сгиба давно разорвались. Киото бережно разложил его на столе. С одной стороны лист был порван, поэтому можно было разглядеть лишь часть рисунка. Рик уставился на переплетения прямых линий, испещренные мелкими иероглифами и знаками.

– Что это?

– Наш сектор.

Оба склонились над рисунком, стараясь вглядеться в мелкие подробности. Свет лампы потускнел – это означало, что приближается вечер. Скоро освещение вырубят. Рик зажег «призрачный свет», покрутив катушку. Они все вглядывались в рисунок, и наконец Рик прошептал:

– Ничего не понимаю.

– Я тоже долгие годы не мог, – признался старик. – Пока не стал разбирать иероглифы.

– Откуда это у вас?

– Часть добычи после большой войны с варварами, что выиграла Коммуна тридцать лет назад. Тогда я был в Комитете.

Рик уставился на Киото. Тот снова улыбнулся и хрипло захихикал.

– Я был советником тогдашнего Смотрителя. Старшим по самому верхнему уровню. Тогда Крез был сопливым пацаном, еды хватало на все уровни и не было проблем ни с отоплением, ни со светом. Коммуна пошла войной на племя варваров, оно жило неподалеку от Галереи. А все из-за того, что дочь старшего по продовольствию сбежала к молодому парню оттуда. Коммуна пошла в поход, победила в войне и добыла много припасов, оружия, ценностей, среди которых были пачки сшитой бумаги с иероглифами и рисунками. Смотритель поручил сжечь их. В пачках было много рисунков, очень много, все они были похожи на этот, а еще там были столбцы иероглифов и знаки, которые зовутся числами. Смотритель лично следил за уничтожением, он говорил, что на бумаге лежит печать зла, что это сатанинские, поганые заклинания, богомерзкая ересь. И вот тогда-то я совершил преступление.

– Вы спрятали один лист, – догадался Рик.

– Да. А знаешь почему? Смотри. – И старик указал на знакомый иероглиф у самой кромки оторванного края.

– Круг Жизни! – вскрикнул Рик.

– Знак Омикрона.

Внезапно, когда Рик посмотрел на рисунок, что-то в его восприятии изменилось, и сквозь сетку линий стали проступать знакомые контуры. Он снова раскрутил гаснувший фонарик и склонился над какой-то деталью в рисунке. Прошла долгая минута.

– Вот, – ткнул он пальцем и провел линию от левого края до правого. – Похоже на главную магистраль.

– Это она и есть.

– Здесь Край мира... значит, там должна быть Хорда, хребет Пространства.

– Ты рассуждаешь правильно, – одобрил Киото.

– Выходит, это карта, – продолжал говорить Рик, невольно понизив голос до шепота. – Но здесь все нарисовано так, как если бы у сектора был один уровень. А их пятьдесят. Это вид сверху.

Они переглянулись.

– Чтобы понять это, у меня ушло несколько лет, – сказал Киото. – А у тебя – считанные минуты. Видишь? Я знал, что у тебя есть способности.

Польщенный, Рик смотрел на древнюю карту мира, добытую из глубин Пространства, изготовленную гораздо искуснее рисунков жрецов, и в голове его множились странные вопросы.

– Надо отнести ее Крезу... – неуверенно пробормотал он. – Может, он сумеет разобраться?

– Ты сам знаешь, что будет потом.

Да, он знает. Крез переполюшится, отнимет карту, устроит Рику допрос, схватит Киото. Никому не позволено даже смотреть на иероглифы бога Машины без специального разрешения, не то что держать в руках какие-то письма. Это тяжкое преступление, покушение на ересь, самое легкое наказание за которое – изгнание за барьер.

Киото посмотрел на часы.

– У нас не так много времени, а второго раза, возможно, не будет. Крез уже что-то подозревает. Патрули на уровнях участились. Мне пора. Посмотри на эту карту еще раз и хорошенько ее запомни.

– Но здесь так много деталей...

– Запоминай, – прошипел Киото и, пока Рик вглядывался в рисунок, продолжал торопливо шептать: – Часами после работы, вместо того чтобы спать, я разглядывал эту карту, запоминая каждый символ, каждый изгиб. Поэтому даже если она будет уничтожена, я смогу нарисовать ее точную копию. Я думал над ней, пытаюсь понять то, что на бумаге, и соотнести с тем, что нам твердили всю жизнь Смотрители. Ведь ты знаешь, как становятся Смотрителем?

– После пятого жизненного испытания старый Смотритель выбирает себе преемника и покидает Коммуну.

– Да. Новый Смотритель дает клятву верности богу в храме Техники. Так вот, всю свою жизнь, с малолетства, я внимательно слушал речи Смотрителей и проповеди жрецов. И понял, что они лгут. Я размышлял над их словами и наблюдал за миром вокруг. Например, они твердят, что за пределами Пространства воздуха нет, что нас окружает тьма первобытного хаоса и единственное, что ограждает наш мир от разрушения, – это внешний барьер Пространства и внутренний барьер сектора. Пространство имеет форму бублика, мы находимся в сердцевине, а вокруг, за барьером, обитают чудовища и дикари. За внешними же границами Пространства нет ничего. Сверху и снизу – тоже.

– И что?

– Ты знаешь, что я живу на самом нижнем уровне, вместе с больными и глубокими стариками. Последние годы меня мучает бессонница. По ночам я лежу в темноте и слышу стран-

ные звуки. Это похоже на стон, отдаленный грохот. А один раз я услышал... голоса. Крики. Это кричал человек. Я прижался ухом к полу, как пиявка, и слушал, слушал, слушал. Старикам не верят, и если бы я отправился к Смотрителю, меня подняли бы на смех.

– Вы молчали и ждали.

– Думал, уж никогда не дождусь. Теперь обрати внимание на эти символы и стрелки по краям рисунка.

Рик послушно взгляделся. На бумаге, где стрелка указывала вперед, было написано: «14. Ξξ»¹. Там, где стрелка указывала назад, виднелось: «16. Пл »².

– Что это значит?

– Точно не знаю. Но мне кажется, это указание на иные обитаемые миры. Только представь! Что, если там, за пределами Пространства, тоже кто-то есть?

Рик забыл завести фонарик, и комната погрузилась во тьму. Когда он снова добыл свет, карты на столе не было.

– Я провожу вас, – сказал он, – а то Патруль прицепится.

Они шли по осевому коридору уровня, зябко кутаясь в одежду. По ночам становилось холоднее, поэтому никто не выглядывал наружу без особой надобности. Уровень почти уснул. Изредка между комнатами проходили обитатели. Парень и старик шли молча, согревая руки дыханием. Мимо прошагал Патруль, Рик кивнул знакомцам. Они медленно спускались по центральной лестнице до детского уровня, где жила Аврора.

– Дальше можешь не провожать, – сказал Киото, когда они подошли к пролету.

Возникла неловкая пауза. Рiku хотелось побыстрее закончить эту странную встречу, но что-то притягивало его к старику.

– Ты хранишь талисман?

Рик потрогал что-то на груди:

– Он всегда со мной.

– Береги его.

Киото спустился на две ступеньки.

– Кстати. Помнишь, как кричал тот варвар перед казнью? Я знаю, что он хотел сказать.

Рик сделал вид, что его это не интересует.

– «Нужно включить ге-не-ра-тор». – Киото улыбнулся. – Спокойной ночи.

Рик дошел по коридору до комнаты Авроры, убедился, что все в порядке. Здесь еще тускло мерцала лампа: привилегия детства. Лежа в постели, девочка открыла глаза.

– Не спишь? Быстро спи.

– Расскажи сказку! – потребовала она.

Рик вздохнул, усаживаясь на край кровати:

– Опять про Роба-искателя?

– Да! – Аврора зажмурилась от удовольствия, натянув одеяло на самый нос.

– Ладно. Жил-был в Коммуне парень Роб. И вот однажды стали пропадать из Коммуны дети...

Рик в сотый раз поведал младшей сестре о приключениях замечательного Роба, который отважился выйти в Пространство, проплутать по Лабиринту, найти всех пропавших детей, обмануть всех варваров-людоедов и побороть чудовищ. И конечно же, пройти по краю пропасти. А все потому, что догадался привязать один конец веревочки к себе, а другой – ко входу в Лабиринт. Эту сказку рассказывала ему мама, а уж откуда ей она стала известна, Рик не знал. Рик также не знал, кто был его отец и кто был отцом Авроры. Все, что ему осталось, – это талисман, который попросил отец передать своему сыну, прежде чем Пространство навсегда

---

¹ 14. Ξξ – номер и код сектора Кси.

² 16. Пл – номер и код сектора Пи.

поглотило его. Убедившись, что сестра давно уснула, Рик закрыл ее комнату и вернулся домой. Он лежал в темноте и думал над словами старика Киото, щупая под одеждой отцовский талисман – вещицу в форме уголка из очень прочного черного материала.

Если бессонница заразна, то он подхватил инфекцию.

4

Отряд шел по одному из боковых коридоров. Пять бойцов. Крепкие, сильные парни. Рик был предпоследним. Его как новичка лично выбрал угрюмый, плечистый Ивон, завершавший третий круг своей жизни. Сейчас он возглавлял шествие, внимательно вглядываясь в полумрак.

Рик впервые вышел во внешний Патруль. Ходить за барьером считалось самым опасным, люди Коммуны панически боялись внешнего Пространства, но ему нужен был улучшенный паек из-за Авроры. Недавно вспыхнул голодный бунт, первый в этом году. Зимние запасы были на исходе, и по указанию Креза рабочим еще на четверть урезали довольствие. Один из рабочих на раздаче отнял кусок у другого. Завязалась драка, которая быстро переросла в побоище. Когда прибыли наряды Патруля, уровень гудел, словно осиное гнездо. Рик никогда не видел такой ярости на лицах людей. Мужчины дубасили друг друга кулаками, ногами, стульями и всем, что попадалось под руку. Женщины таскали друг дружку за волосы, шипели, кусались, стараясь выдрать сопернице глаза. Даже подростки катались по полу озверевшими клубками. Все позабыли о еде; наружу выплеснулась злость, которая копилась внутри людей всю долгую зиму. Те, кто поумнее, хватали упавшие на пол куски хлеба и торопливо поедали прямо под ногами у дерущихся. Одному мужчине перерезали горло, другому сломали руку.

Патрульные бросились в гущу, орудуя жезлами. Затрещали молнии, и толпа обратилась в бегство. Рик был в первых рядах карателей. Он безжалостно пускал заряды в каждого, кто попадался на пути, не важно, взрослый это или старик, мужчина или женщина. Все стерлось; он выполнял работу. Он только слышал крики, стоны и ругательства.

«Подонки!» – в лицо полетел плевков.

«Мрази! Жрете там наверху от пуза!»

«Чтоб вас взяла пропасть!»

«Дайте хлеба! Дайте!»

Патрульные оттеснили дерущихся к стенам. К этому времени беспорядок был подавлен. – Стоять! – скомандовал Ивон.

Рик вздрогнул, отгоняя воспоминание.

Отряд замер. Пятеро бойцов вслушивались в хрупкую тишину Пространства. Тянулось время. Не происходило ничего. Пространство отзывалось тихими скрипами, отдаленной каплей и завыванием ветра. Этот коридор был хорошо исследован и отмечен на карте. Но Пространство коварно и всегда готово застать человека врасплох. Год назад почти у самого барьера на такой же отряд напала стая ночных ползунов – мерзких человекоподобных тварей, способных лазить по стенам и проникать в самые немыслимые щели из-за своей худобы. Рик видел ползуна только один раз, и то мертвого. Отвратительное зрелище.

– Кажется, тихо. Идем. – Ивон двинулся дальше. Отряд последовал за ним.

Этот коридор был лучевым и тянулся параллельно барьеру сектора Коммуны. На стенах виднелись метки предыдущих патрульных. Но кроме них поверхность коридора изобиловала всевозможными письменами и символами, нанесенными когда-то давно неведомыми человеку силами. Хоть читать их никто не умел, Рик старательно запоминал каждый знак, считал его частоту и связь с другими, находил закономерности, но старался особо не показывать свои способности.

Раньше Рик думал, что Коммуна имеет в Пространстве форму сферы, но это оказалось не так. Сектор Коммуны скорее напоминал кусок пирога, с широким краем в одной стороне и узким – в другой. Сектор имел пятьдесят уровней, соединенных между собой лестницами и вертикальными шахтами. На тридцатом уровне находился главный коридор, именуемый магистралью. Там же располагалась площадь – большое помещение высотой в пять уровней, где обсуждались все важнейшие вопросы в жизни Коммуны. За площадью магистраль пересекал

другой коридор, выгибавшийся дугой и являвшийся частью большой трассы Круга Жизни, что уходил в Пространство с одного конца сектора и возвращался в другой конец. Именно по этой трассе люди Коммуны совершают Весенний Бег.

Еще один малый дуговой коридор пересекал сектор перед площадью. Таких магистралей и трасс было не по одной, а по пять – каждая на десять уровней сектора, словно ребро, отходящее от хребта. Таким образом, пять круговых коридоров имели десять выходов с обоих концов. Это число надо было умножить на два, учитывая выходы с малых дуговых коридоров. Итого – двадцать. К ним добавлялись еще пять центральных выходов лучевых коридоров. Правда, четыре из них были запечатаны давным-давно. Но все это казалось мелочью в сравнении с огромным числом боковых, вспомогательных и прочих проходов, лазов и лазеек, которыми были испещрены уровни сектора, особенно на краю Круга Жизни и возле Хорды.

Хотя большинство их было наглухо запечатано, требовались серьезные усилия, чтобы охранять еще открытые. Кроме того, нужно было следить за прилегающими к барьеру коридорами, чтобы быть готовым к внезапной атаке или аварии. Всем этим и занимался внешний Патруль.

Отряд дошел до пересечения коридора с другим, поменьше.

– Отдых.

Группа быстро выстроила барьер: командир в середине, бойцы по периметру, по четырем сторонам света. Все присели на корточки. Смена длилась половину дня. Поэтому бойцы брали с собой хлеб и воду. Пока один обедал, четверо зорко следили за Пространством.

Ивон закончил трапезу и поменялся местами с одним из подчиненных. Пока тот ел, завели тихий разговор.

– Плохи дела, – говорил Ивон. – Комитет приказал собирать крыс.

– Крысы жилистые.

– Жрать захочешь, все сожрешь.

– Все равно жилистые. Не мясо, а веревки.

– У меня тесть однажды снял с потолка во-от такого слизня. Решил пожарить. Говорит, ничего.

– Это еще можно. А вот грибы есть нельзя, особенно зеленые. Какие бы они большие и красивые ни были, нельзя. В них погань, нечистая сила, сохрани нас бог Машины. Дед мой рассказывал, как его приятель со стенки за барьером этих грибов нарезал, пожарил и съел. На следующий день почернел и вздулся как шар. У него таракан был карманный, так этот таракан вообще лопнул, когда рядом оказался.

– Слушай, новичок, а плющ в этом году охотится на Круге Жизни?

– У меня перед носом одного утащил, – сказал Рик.

– Значит, точно весна наступит. Они зимой ленивые.

Пока патрульные обедали, тихий разговор продолжался. Люди вели себя здесь робко, люди были здесь гостями. Наконец Ивон приказал двигаться дальше. Они шли по направлению к Хорде. Под потолком мерцали оранжевые лампы.

– Может, повезет? – с надеждой спросил один боец. Неделию назад он нашел в нише хорошо сохранившийся костюм из блестящей теплой ткани и теперь спал в нем, спасаясь от холодов. Теперь ему хотелось обеспечить вторым свою невесту.

Они много раз пересекали входы в боковые коридоры, которые уводили в глубину Пространства, и каждый раз Рик с замиранием сердца вглядывался в их темноту, ожидая увидеть там холодный блеск нечеловеческих глаз.

Но время тянулось, и ничего не происходило. Половину смены они патрулировали боковые коридоры с юга. Все пять, считая с верхнего. Начинали с большого дугового, сворачивали на параллельный, шли к Хорде, снова поворачивали к малой дуге. Достигали барьера, где стояла стража, поворачивали назад по тому же маршруту. Когда возвращались к исходной точке,

спускались по лестнице к следующему коридору. Сперва Рик даже не понял, что они вышли за барьер: геометрия коридора повторилась с зеркальной точностью. Но когда появились длинные полотенца плесени, бахромой покрывшие стены, и жирный слой пыли на полу, до него дошло положение вещей.

– Как далеко вы заходили? – спросил он у Ивона, улучив удобный момент.

– А что, не терпится удрать, новичок?

Отсмеявшись с остальными, командир все же снизошел:

– До следующего луча, в обе стороны.

– Почему не пошли дальше?

Ивон перестал улыбаться. В его глазах заблестела угроза.

– Ты вроде как производишь впечатление умного, а, Рик? Ну так не разочаровывай меня. Ты замерзнешь там раньше, чем захочешь есть. И неужели ты не понимаешь, что Пространство там кишит такими тварями, какие тебе даже в кошмаре не привидятся? То, что ты увидел на Весеннем Беге, – сотая часть всего, что может предложить нам Мать-тьма.

Рик хотел возразить, но Ивон рявкнул:

– Прямо по курсу, рядовой!

Пять пар глаз метнулись в указанном направлении, где на полу лежал какой-то ком. Рик осторожно двинулся вперед, выставив перед собой жезл. Ком не шевелился. Это оказалась всего лишь дохлая крыса.

– Командир?

– Ждешь особого приглашения? Живо хватай эту падаль и суй в рюкзак!

– Да, командир. – Рик склонился над дохлой крысой.

Тушка была размером с человеческого младенца. Не скрывая омерзения, он спрятал дохлятину в мешок и оглянулся, чтобы доложить о выполнении приказа.

Коридор был пуст.

– Командир? Курт?

Тишина. В трубах ныл сквозняк. Патрульные словно испарились. Рик вернулся на исходную позицию – перекресток луча с маленьким дуговым коридорчиком. Снова позвал. Короткое эхо заметалось по коридорам и скончалось во тьме.

– Очень смешно. – Рик похлопал в ладоши. – Отличная шутка. Решили оторваться?

Никто ему не ответил. Рик решил подождать: им просто надоест, станет скучно.

– Слушайте, – не выдержал он, – может, уже хватит?

– Хва-а-тит! – проблеял мерзкий, клокочущий голос у самого уха.

Рик вскрикнул и вслепую пальнул из жезла. Отдача опрокинула его навзничь. Что-то мелко застучало под потолком, быстро удаляясь. В ноздри ударила резкая вонь. Жезл продолжал работать, полосую молниями по потолку. Рик барахтался на полу, пытаясь выключить заевшее оружие. Вдруг сильная рукахватила жезл и отключила заряд. Тут же Рика вздернули вверх:

– Ты что творишь?

– Я... Вы... Там...

– Заткнись! – прошипел Ивон. – Потом расскажешь. Пойдем. Покажу кое-что интересное, ручаюсь, такого ты точно не видел.

И Ивон нырнул в сумрак. Рик слотнул. Остаться одному в коридоре больше не хотелось. Он последовал за командиром. Коридорчик вильнул несколько раз и привел их в небольшое овальное помещение, где стояли остальные патрульные. Все смотрели в центр зала. Рик тоже взглянул туда и обмер. В первое мгновение, из-за голубых бликов, отражаемых от стен, ему показалось, что впереди аквариум – из тех, где разводят карпов рабочие на пятнадцатом уровне. Но бледный свет был ровным, он не колыхался, как от поверхности воды. Посреди

зала находилось сооружение из толстого стекла, наполненного чем-то густым, но прозрачным, позволяющим разглядеть то, что темнело внутри.

Это были человеческие тела. Подсоединенные к извивающимся трубкам, они застыли в полулежащем-полувисячем положении и отделялись друг от друга секциями. Рик зачарованно разглядывал ближайшую к ним нагую женщину, обмотанную саваном из хитроумных приспособлений. Взгляд переместился к ее соседу, пожилому мужчине, и дальше, к наполовину полной секции, где в мутной жиже плавало что-то слизкое, покрытое волосами – жуткое, аморфное месиво, от одного вида которого Рика вывернуло наизнанку. Избавившись от завтрака, он спросил дрожащим шепотом:

– Что это?

Ивон сделал знак уходить, и только когда отряд выбрался обратно, сказал:

– Мы не знаем. Франц из третьей смены заметил, что дверь не заперта. Теперь у нас есть еще одно Интересное Место.

– Что вы хотите сказать?

Ивон подмигнул.

– Здесь полно всяких штук. Людям кажется, что Пространство – это холодная темная пустыня и, кроме чудовищ да дикарей, тут ничего нет. Это неверно. Я хожу по коридорам восемь лет, изучил их вдоль и поперек, но это не значит ничего. Взгляни на все эти двери по бокам коридора. Они заперты, и никакими усилиями смертного невозможно открыть их. Но иногда они открываются.

Рик смотрел на ряды темных дверей с непонятными символами и иероглифами, убегающие вдаль. Тем временем Курт поставил на двери метку, и отряд двинулся дальше.

– За некоторыми дверьми находятся пустые жилые комнаты. Как у нас в секторе. В некоторых комнатах стены уставлены полками и шкафами, где разложена всякая всячина. В других комнатах вообще ничего нет. Одни стены, пол и потолок. Есть живые комнаты, комнаты-ловушки, огромные комнаты размером с нашу площадь и даже больше. Но есть такие комнаты, вроде той, – Ивон указал назад, памятуя хранилище тел, – где возможно увидеть все. Вообще все.

– Расскажи ему про призрака, командир, – сказал патрульный Сид.

– В одном коридоре, внизу, есть пустая комната. В центре нее красный круг. Стоит только зайти в эту комнату и посмотреть на круг, в нем возникает призрак человека. Один мой подчиненный, Юрий, – год назад он сорвался в пропасть – зашел в ту комнату первым. У Юрия были черные волосы, а стали седые. Призрак говорил с ним.

– И что он говорил?

– Твердил как заведенный: «назовите код», «назовите код». Похоже на заклинание. Больше никто туда не заходит; эта комната помечена как опасная. У меня их целый список – те, что запрещены Комитетом, и те, где сгинули наши бойцы. – Ивон повертел головой, ориентируясь. – Так. Это крыло мы обошли полностью. Все спокойно. Сейчас свернем к Хорде и увидишь пропасть. Покажу тебе Лестницу.

Но не успели они пройти и трех шагов, как эфирный голос на плече командира ожил и позвал:

– Всем отрядам внешнего Патруля! Тревога! Срочно прибыть на уровень тридцать семь, северное крыло, малая дуга! Повторяю...

– Отряд! – скомандовал Ивон. – Выстроиться в боевую линию. За мной!

Времени на испуг не было; Рик подобрался и побежал, глядя в спину переднему бойцу. Отряд очень быстро миновал коридор и свернул к лестнице. Предстояло стремительное восхождение сразу почти на три десятка уровней вверх. Лестница отнимает силы, а боец должен сохранить их, чтобы вступить в схватку. Бойцы резво перепрыгивали через ступеньки, Рик видел мелькающие пятки и считал про себя уровни. Наконец они выбежали в коридор.

– За мной! – гаркнул командир. – Не отставать!

Они не стали обегать сектор по периметру, а сократили путь прямо по малому лучевому коридору, расталкивая прохожих Коммуны. Только здесь Рик почувствовал, как холодно было снаружи. Тяжело дыша, они достигли барьера и выскочили в Пространство с севера. Коридор, поворот налево, снова коридор, снова поворот налево, секционная лестница, три этажа вниз... они чуть не сшибли с ног других патрульных, начавших обход с этого крыла. Рик увидел причину переполоха.

Перед патрульными стояли на коленях, заложив руки за голову, трое дикарей. Двое мужчин и женщина. Их кожа была гораздо темнее, чем у людей Коммуны, глаза смотрели прямо, а телосложение выдавало хорошо развитую физическую форму. Серебристая одежда выглядела новой и облегала фигуры. Мужчины были бородаты и носили на головах шапки. Перед дикарями лежали их пожитки и предметы, которые можно было принять за оружие: гладкие трубки с отверстиями на одном конце и рукояткой на другом. Командир северного Патруля, Мануэль, приветствовал Ивона ритуальным Кругом Жизни. Остальные последовали их примеру.

– Вы как раз вовремя, – сказал Мануэль. – Эти варвары решили, что могут тягаться с нами силами, и вот что из этого получилось.

Он кивнул на лежащее поодаль тело четвертого мужчины. Труп лежал навзничь, его обыскивали патрульные.

– Послушайте... – сказал дикарь, тот, что крупнее.

– Заткнись! – заорал Мануэль с плохо скрываемым страхом. – С варварами говорить запрещено! Всем смотреть в пол!

Дикарь пожал плечами, но выполнил приказ.

– Где вы поймали их? – спросил Ивон.

– Они пытались пролезть по внешней террасе вниз при помощи вот этих снастей. – Мануэль пнул носком ботинка клубок веревок и крючков. – Мы думали, это крысы, но Иешуа убедил меня проверить. Так они и попались, мерзавцы! Гуськом ползли вниз, как тараканы. Молодец, Иешуа!

Пока командир северного отряда, не стесняясь в выражениях, описывал, как его бойцы хватали дикарей и скручивали их, Рик встретился взглядом с женщиной и узнал ее. Это была девушка с трассы Круга Жизни. Та самая. Рик равнодушно отвел глаза.

– Ясно. – Ивон успел отдышаться. – Мы в вашем распоряжении.

– Спасибо. Надо отвести их к Смотрителю. Пусть разбирается. Всем встать!

Дикари послушались. Один пошатнулся, другой поддержал его. Бойцы Мануэля подобрали их вещи и сложили в мешок.

– Вперед! Вон туда! – Мануэль жестом показал крупному дикарю направление к лестнице. Другой патрульный ткнул его под ребра выключенным жезлом.

– Я понял, – спокойно сказал дикарь.

Это взбесило Мануэля. Он взмахнул своим жезлом и огрел им дикаря по плечу:

– Живо, скотина!

Варвар одарил командира колючим взглядом, и Рик готов был ручаться, что при иных обстоятельствах, не будь у Мануэля при себе оружия, ему пришлось бы туго. Процессия двинулась. Люди северного Патруля шли впереди, южного – замыкающими. Эскорт поднялся по секционной лестнице и вышел в лучевой коридор. Дикари шли, понутив головы, казалось, они смирились со своей участью. Когда все зашагали к малому дуговому коридору, девушка легким, кошачьим движением отскочила в сторону. Большинство патрульных не сразу поняли, что произошло, лишь Рик успел схватить ее за плечо. Девушка плавно развернулась и с размаху ударила Рика в живот. Парень согнулся пополам. Девушка уже бежала прочь, по направлению к Хорде.

– Догнать ее! – заорал Ивон.

– Я догоню! – завопил Иешуа, перескакивая через Рика.

– Я помогу! – крикнул Рик.

Они пустились в погоню: легкая, скользящая по коридору девушка-дикарка, жилистый Иешуа и Рик, еще не оправившийся от точного болезненного удара. Погоня длилась не более пяти минут, но в эти минуты должно было решиться все. Цепочка потолочных ламп тянулась к чему-то исторгавшему мертвенно-бледный свет. Вдруг коридор резко кончился, и троих выскочила на открытое пространство, напоминавшее балкон. Девушка побежала к самому краю площадки, туда, где начиналась бездна. Иешуа чуть замедлил бег. Рик – тоже. Он впервые увидел Хорду.

Снизу вверх, пронзая Пространство, тянулся гигантский вертикальный стержень, ширина которого не поддавалась никакому измерению. Рик просто не знал, с чем можно сопоставить эти исполинские габариты. Стержень Хорды находился точно посередине еще более огромного колодца, на внутреннюю стенку которого и выводила площадка перед коридором. У самого края, пронзая пол и потолок уровней, вверх вилась широкая лестница. Это был хребет мира, позвоночный столб вселенной, в которой родился и вырос Рик.

Девушка стояла на краю, вынув из-за пазухи какой-то инструмент. Иешуа медленно подбирался к ней, словно хищник перед броском. Пространство давило на него, но он был упрям и не отступал от намеченной цели. Девушка, казалось, не замечала их присутствия; она методично разматывала стальную леску кошки, готовясь то ли к спуску, то ли к подъему. Иешуа выставил перед собой жезл и прицелился.

– Нет! – крикнул Рик.

Слишком поздно. Молния уже терзала ее тело, заставляя конвульсивно сокращаться мышцы. Рик с ужасом осознал намерения Иешуа. Он подскочил и выбил жезл из рук патрульного. Иешуа зарычал. Девушка упала бездыханной куклой на самом краю бездны. Рик и Иешуа сцепились между собой, работая кулаками и локтями.

– Ублюдок! Опять ты! – шипел Иешуа. – Я скину тебя в пропасть!

Они подкатились к краю площадки. Здесь дул ветер, восходящие потоки трепали их волосы и одежду. Рик почувствовал ледяное дыхание бездны. Еще шаг до края. Иешуа изловчился и обрушил мощный удар Рiku в глаз. Все потемнело. Рик потерял ориентацию в пространстве на какое-то жуткое мгновение. Его рука пыталась схватить врага, но слепо шарила вокруг, не находя точки опоры. Словно издалека, за множество стен от него, свистящее завывание ветра разорвали крики:

– Вот они! Что здесь произошло?

– Быстрее! Хватайте девчонку!

– Да она в отключке.

– Эй, что с Риком?

– Не знаю... Кажется, она хотела скинуть его вниз! Я едва успел вырубить ее.

– Молодец! Ничего себе она отделала его! Поднимите-ка парня.

Чьи-то сильные руки схватили его и бесцеремонно поставили на подгибающиеся ноги. Правый глаз мгновенно заплыл. Рик с трудом разлепил левый. В голове шумело. Он увидел, как патрульные несут тело девушки, увидел Иешуа, подбирающего свой жезл, и лицо Ивона, который ободрительно сказал:

– Все в порядке, парень.

У Рика было несколько иное мнение на этот счет. Прежде чем он потерял сознание, в памяти запечатлелось чье-то лицо – смутное белесое пятно, мелькнувшее на такой высоте, где полагается начаться тьме хаоса, а оттого словно балансирующее на изнанке реальности. Человек помахал ему рукой.

5

Залы Комитета имели высокие потолки и располагались в чистых, ухоженных помещениях. Все как положено властям предержажшим. Начиная с сорокового уровня и выше отопление работало в полную силу и можно было ходить даже без комбинезона. Поэтому Рик сидел в приемной и страдал от жары. Кроме того, здесь, наверху, было светлее, отчего все казалось нестерпимо ярким, а цвета насыщенными. Он сидел на мягком, преступно мягком диване, а на столике перед ним стояло блюдо с овсяным печеньем. Печенье вкусно пахло; Рик прикидывал, сколько минут ему потребовалось бы, чтобы уписать все блюдо. Пять? Нет, он справится и за три.

Вышла девушка в золотистой тунике – одежде всех верхних – и сказала:

– Смотритель Крез готов принять брата Коммуны Рика. Прощу вас.

Рик со второй попытки преодолел оковы дивана и, угловато двигаясь, проследовал вслед за девушкой. Поначалу он не понял, куда попал: коридор все не кончался. А потом до него дошло, что это комната, только очень длинная, и в конце ее за столом сидел Смотритель. Крез поднялся и пошел навстречу, распахнув объятия, облобызал Рика и протянул ему ладонь. Парень неловко ответил главе сектора.

– Ха! – воскликнул Крез. – Я и не сомневался.

– Простите?

– Хотел пожать руку и лично сказать спасибо патрульному, который проявил храбрость и предотвратил побег лазутчиков. Все думал, кто бы это мог быть, и вспомнил про тебя.

– О, просто случайность.

– Вряд ли, – покачал головой Крез. – Поверь моему опыту: случайности в этом деле не бывает. Такие, как ты, – оплот Коммуны.

– Ну что ж, вам виднее, – согласился Рик.

– Старшие по уровню рассказывают мне о каждом брате и сестре Коммуны. Это моя прямая обязанность – знать о людях все, чтобы защищать их и беречь. Так делали все Смотрители до меня. Может быть, поэтому Коммуна имеет такую славную и долгую историю... Так вот, особое внимание я всегда уделяю подрастающему поколению, потому что молодые – это будущее. Тебя я заметил давно и время от времени интересовался твоей судьбой. Физическая подготовка, результаты соревнований, знание катехизиса, нормы выработки на производстве – у тебя всегда все получалось легко, как-то гладко, без особых проблем. И вот нынешний Танец Весны. Ты мог бы выбрать Поединок в яме, например, или Стояние над пропастью. Хотя нет, ты смертельно боишься высоты. Словом, ты мог бы выбрать любое из испытаний, но записался на самое опасное. Твои поступки сами за себя говорят. Правда, у твоей храбрости есть и обратная сторона.

Крез с сочувствием посмотрел на его синяк, который обрел благородный лиловый оттенок:

– Они сильны как черти, эти дикари!

– Господин Смотритель, это немного не так...

– Не важно, – оборвал Крез. – Присаживайся.

Они сели в удобные кресла. Девушка налила им по бокалу красного напитка. Крез тут же осушил свой наполовину. Рик осторожно пригубил. Напиток был вкусный и пряный и слегка жег язык.

– Смелее, – подбодрил Смотритель. – Послушай, Рик. Кроме выражения благодарности я хотел бы обсудить с тобой еще кое-что...

Рик аккуратно поставил бокал на столик. Он боялся смотреть Крезу в глаза. В эти острые как пики глаза, которые способны вывернуть наизнанку любого человека. Неужели он знает?

– Это касается нашей великой Коммуны. – Крез напустил на себя озабоченный вид. – Вопрос достаточно серьезный, поэтому не все должны быть в курсе. Из молодых об этом знает пара-тройка человек, самые лучшие и достойные. Ты проявил себя с положительной стороны и, думаю, тоже имеешь право знать.

Рик почтительно слушал.

– Но пообещай, что дальше этих стен наш разговор не пойдет.

– Да, конечно.

– Коммуна угасает. Огонь, что давным-давно разжег в храме Техники бог Машины, почти прогорел. Каждый день наши жрецы усердно молятся богу, просят его раздуть священное пламя, но пока он остается глух к нашим мольбам. Именно поэтому мы вынуждены ограничивать потребление тепла и расходует священный огонь только на самое необходимое – на ферму, потому что от этого зависит наш урожай, и на освещение, потому что без света мы ослепнем. Таково положение вещей. Понимаешь?

Рик кивнул:

– Хорошо. Те дикари, которых вы поймали позавчера в северном крыле, стали шнырять здесь не просто так. Эти звери что-то замышляют. Мне пока не удастся выбить из них ничего путного, кроме того, что они зачем-то ползли вниз. Непонятно!

Крез раздосадованно развел руками:

– Но рано или поздно они заговорят. Кажется, я нащупал их слабые места... – Смотритель, казалось, позабыл о Рике и погрузился в свои мысли, шевеля губами и выкатив глаза. Это продолжалось с минуту. Затем Крез очнулся и невозмутимо продолжал: – В общем, они располагают очень важной информацией. Возможно, у них есть часть священного огня или они знают, где этот огонь находится, а это – ключ к спасению Коммуны. Это поможет нам выстоять. Это очень важно!

– Да.

– Поэтому я принял решение организовать поход во внешние пределы Пространства. В состав отряда войдут только самые мужественные и сильные люди. Нужны не только опытные, взрослые воины, но и такие, как ты, молодые, энергичные, способные быстро действовать. Задачей отряда станет поиск священного огня или хотя бы топлива для него. Всего, что нам понадобится, всего, что будет полезно для Коммуны. Ты согласен отправиться в поход?

Вопрос огорошил Рика.

– Не знаю... Мне нужно подумать.

– У нас крайне мало времени на раздумья. Вчера алтарь бога Машины показал новое значение. Это тревожный знак.

Рик видел этот новый знак. Он выглядел как «4» со значком «%» справа. А раньше было «5» с тем же значком. Крез прищурился. Похоже, он как-то по-своему истолковал его замечательство.

– У тебя ведь есть сестра? Сколько ей, восемь? Соответственно, восьмой уровень. Готов спорить, с отоплением и светом там не очень. Да и с питанием, наверно, тоже. Думаю, можно как-то изменить эту ситуацию.

– Не стоит, господин Смотритель... Нас вполне все устраивает.

– Ладно, ладно, – сказал Крез. – Думай, но не затягивай, потому что времени действительно крайне мало. В поход я отбираю только лучших, проверенных людей, тех, кто стойко переносит не только физические испытания, но и силен духом. Тех, кто устойчив к ереси.

При этих словах он взглянул на Рика.

– Ересь бродит внутри Коммуны. Ползает как червь. Оно и понятно. Слабые не выдерживают, потому что их вера мнимая и заботит их только собственное брюхо. Вот и сочиняют с голоду всякие небылицы, а потом мутят народ. Совращают молодежь. Помню, был один, шатался по нижним уровням и кричал, что мы все сидим в брюхе у какого-то чудовища и это

чудовище плавает в огромной чаше с водой, а чаша эта и есть вселенная. Все ходил и говорил, что пора выбираться наружу. Представляешь? Какая невозможная глупость!

Крез рассмеялся. Рик вежливо улыбнулся.

– А эти варвары? То, что они язычники, – понятно. Темные, заблудшие души, обитающие во мраке Пространства. Но если принять хоть часть их бредней за чистую воду, можно сойти с ума. Если ты отправишься в поход, возможно, вы натолкнетесь на такие племена. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Разумеется, господин Смотритель.

– Нужно быть крепким телом и сильным духом. Не позволять ереси сбивать себя с истинного пути. Есть бог Машины, Коммуна, Пространство. Таков порядок вещей. И наша беседа не случайна, как ты уже смог убедиться. Сюда попадают только лучшие.

Они встали.

– Со временем, – добавил Смотритель, – когда проявишь себя с лучшей стороны, я буду посвящать тебя в некоторые тайны.

– Какие?

Он неопределенно повел рукой по сторонам:

– Увидишь. Что ж, вот и все. Спасибо, что уделил время. Завтра в то же время жду тебя здесь с решением.

– Да, Смотритель.

Крез оглядел Рика с ног до головы:

– Ты совсем как твой отец. Такой же серьезный, всегда напряженный. Ты удивлен? Я знал его, это был отличный брат Коммуны. Но, как и многие, он слишком рано отправился на свидание с богом Машины. Кстати, он принял бы мое предложение. Ну, до завтра!

Как в тумане Рик выбрался из кабинета Смотрителя. Он задыхался. Из окружающего пространства, казалось, откачали весь воздух. Девушка-секретарь подарила ему бессмысленную улыбку и скрылась с глаз. Рик постоял немного, оправился, пытаясь собраться с мыслями, но те упрямо расползались прочь. Взгляд его снова упал на блюдо с печеньем. На этот раз он не стал скромничать – набрал полный карман лакомства. Для Авроры.

6

На этот раз обошлось без представления. Смотрителя заменял один из жрецов, пухлый человечек с заплывшими жиром глазками. Эскорт вышел на карниз, следом высыпала горстка зевак, состоявшая главным образом из детей и калек, то есть тех, кто не мог работать. Карнизом называли коридор, огибавший сектор по периметру. Одна его стенка когда-то была прозрачной, но заросла грязью и плесенью. Если бы не это, сквозь нее можно было бы наблюдать противоположную стену пустого сектора Пространства, разделенную с Коммуной пропастью. Сектор соединялся с Коммуной только переходами, сквозь которые пролегли малые и большие дуговые коридоры.

В одном месте карниз обрушился. Стенки коридора словно вывернуло изнутри что-то невероятно мощное. В образовавшуюся дыру могли свободно пройти, взявшись за руки, с дюжину человек. Отсюда была прекрасно видна противоположная стена Пространства, покрытая темными пятнами и потеками. Здесь эскорт остановился. Жрец выступил вперед и попетушиному откашлялся. Потом достал из своей хламиды Писание и кадило – большущую шестерню, привязанную за веревку. Пока он занимался приготовлениями, патрульные выстроили осужденных вдоль стены. Пленники выглядели жалко, избитые, осунувшиеся, они еле держались на ногах.

Жрец дал знак патрульным. Те замерли.

– Именем великого бога Машины! – начал он. Сделал паузу, внимательно оглядел присутствующих и продолжил: – Сегодня мы собрались здесь, чтобы совершить акт правосудия. Будет оглашен приговор. Комиссия приговорила этих преступников к высшей мере наказания за особо тяжкое преступление – ересь против учения Коммуны. Этот грех был совершен ими осознанно, умышленно и злонамеренно. Прекрасно понимая всю опасность своих пагубных воззрений, эти еретики продолжали сеять среди людей Коммуны смуту и подстрекать добрых братьев и сестер к расколу! Немыслимое злодеяние! Отвратительный грех!

Жрец набрал воздуха в грудь.

– Комиссия внимательно изучила каждое из совершенных преступлений. Были учтены все смягчающие и отягчающие обстоятельства, взвешен каждый факт. Комиссия опиралась только на истину, справедливость и закон божий. Несмотря на тяжесть совершенных злодеяний, мы постарались быть милосердными, насколько это возможно. Осужденный брат Питер!

Стража подхватила за локти седого мужчину и подтащила к жрецу.

– Рабочий ночной смены тридцать второго уровня, обвинялся в организации и подготовке восстания, а значит, в ереси против богоугодной власти Смотрителя. Воспользовавшись своим служебным положением, приготовил орудия и составил план действий по свержению Комитета. Подговорил шесть рабочих и планировал захватить патрульных уровня с тем, чтобы, отняв у них жезлы, установить контроль над всем уровнем. Нагло и дерзко утверждал, будто Комитет обделяет братьев и сестер пищей, теплом и светом. Хулил великого бога Машины, лично оскорблял Смотрителя Креза, проклинал Коммуну. Схвачен по бдительному доносу брата Августа. Изучив материалы дела, допросив свидетелей и соучастников заговора, Комитет нашел брата Питера виновным в совершенном преступлении, признает его еретиком, мятежником и приговаривает его к забвению в Пропasti. Приговор после оглашения привести в исполнение немедленно!

Жрец с поразительной проворностью отступил. Стражники поволокли приговоренного к краю карниза.

Стоявший возле Рика одноногий калека зашептал соседу:

– Щас заверещит! Они всегда верещат – так весело.

Когда патрульные подвели приговоренного к самому краю пропасти, словно очнувшись от кошмара, тот встрепенулся, безуспешно попытался вырваться и заголосил:

– Прошу вас! У меня дети и жена! Им урежут паек! Прошу!

Жрец кивнул страже, те сильно толкнули приговоренного в спину. Тот потерял равновесие, поскользнулся, сделал последнюю отчаянную попытку схватиться за выступающий кусок металла. Патрульный ударил по руке, и приговоренный с отчаянным криком полетел вниз. Завывания ветра быстро поглотили его удаляющийся вопль.

– Во имя бога Машины, – сказал жрец и совершил кадилом ритуальный жест. – Следующая – сестра Эдита.

Патруль подвел к нему женщину с нескладным лицом и крупными черными глазами.

– Работница склада зерновых двадцать девятого уровня, обвинялась в хищении ценного зерна, которое тайком, в складках одежды, проносила через пропускной пункт, хранила у себя в жилом блоке и употребляла в пищу, помимо законно установленного пайка. Украла более двух мешков пшеницы и полмешка ржи, а значит, нанесла оскорбление действием Коммуне, обделила своих собратьев и очернила имя бога Машины. Комитет изучил дело сестры и признает ее виновной в совершенном преступлении. Учитывая чистосердечное признание и раскаяние, Комитет проявляет милосердие и приговаривает Эдиту к году каторги с половинным пайком на обработке удобрений. Ступай и не греши.

Патрульные развязали женщине руки и отпустили прочь. Жрец чинно взмахнул кадилом и взглянул на оставшихся трех варваров, что накануне поймал северный Патруль.

– Следующие – не люди Коммуны. Застигнуты на месте преступления и схвачены с поличным как вредоносные вражеские лазутчики. При себе имели оружие, хитроумные приспособления и свитки с демоническими письменами, порочащими имя бога Машины. Обвиняются в подготовке нападения на великую Коммуну. Истово и прочно исповедуют опаснейшую ересь, отрицающую существование бога и искажающую картину мироздания. Более того, коварно пытались совратить в свой мерзкий культ Патруль и жрецов, включая меня. Не считают свою ересь грехом и не раскаиваются перед лицом закона и Святого Писания...

– Хватит! – крикнул богатырь-варвар, знакомый Рiku. – Сколько можно твердить...

Стражник тут же ужалил его молнией под ребро. Дикарь прорычал незнакомое ругательство.

Жрец дико вытаращил глаза на него, сглотнул и торопливо продолжал:

– Комитет изучил дело этих троих варваров из внешнего Пространства, заслушал их показания и на основе имеющихся фактов признает их виновными в совершенном преступлении, объявляет еретиками и раскольниками, порочащими славное имя бога Машины своим существованием. Учитывая злостный характер, опасность ереси и убежденность в своих дьявольских взглядах, суд не находит оснований для смягчения наказания и приговаривает варваров к забвению в Пропasti. Приговор следует привести в исполнение постепенно. Сегодня будет казнен первый еретик, завтра второй, а послезавтра третий. Такое решение принято для усиления кары и осознания преступниками неотвратимости своей участи. Привести приговор в исполнение! Он – первый.

Жрец нацелил пальчик на варвара-богатыря. Его тут же схватили пять патрульных, не столько помогая, сколько мешая друг другу. Образовалась свалка. Рик зорко следил за остальными дикарями – именно для этого он был здесь поставлен. Девушка посмотрела на него с отчаянием. Ее губы безмолвно произнесли какое-то слово. Рик едва заметно покачал головой.

– Кидайте его вниз! – ликовал одноногий калека, потрясая костью.

Варвар был силен – выше остальных на полголовы, шире и коренастее их, он отчаянно сопротивлялся. Но, несмотря на продолжительную борьбу, его все же подтащили к краю карниза.

– Остановитесь! – заорал второй дикарь, мужчина с усами. – Будьте людьми, остановите это безумие!

Стражник тут же наградил его зуботычиной. Девушка плакала. По ее напряженной позе и положению ног Рик понял, что в любой момент она готова броситься в драку.

Жрец сделал стражникам знак и быстро обратился к двум дикарям:

– Будете говорить или нет?

– Нам больше нечего говорить! Мы ничего не знаем!

Жрец скорчил разочарованную гримасу и кивнул палачам. Богатырь взревел от ярости. В последней, отчаянной попытке спастись, он сокрушил ударом кулака одного патрульного, но четверо других буквально выдавили его с карниза в пустоту. Дикарь заорал. В этом крике не было и намек на страх – только ярость. Одно долгое мгновение он балансировал на самом краю, потом извернулся и ухватил за грудки ближайшего патрульного, рванув его на себя. Оба полетели в пропасть. Стражник визжал как женщина. Патрульные подскочили к краю, стараясь разглядеть подробности, но Мать-тьма уже поглотила свою добычу.

– Твари! – закричал мужчина-варвар. – Поганые язычники! За что?

Он продолжал кричать, а девушка плакать всю обратную дорогу до тюремного уровня, и Рик в числе остальных патрульных сопровождал их, не смея взглянуть осужденным в глаза и чувствуя себя так погано, как не чувствовал со дня смерти мамы, когда она не вынесла кишечной лихорадки.

Он подошел к Ивону:

– Плохо себя чувствую. Сегодня я не боец. Поставьте меня куда-нибудь в стражу.

Ивон все понял.

– Иди к малой дуге. Я передам дежурному.

– Спасибо.

– Эй... – Ивон дождался, когда рядом никого не окажется и тихо сказал: – Знаешь, что мне больше всего нравится во внешнем Патруле? То, что не видишь всякого дерьма, вроде сегодняшнего.

– Думаю, что согласен с вами, командир.

– Да, вспомнил тут кое-что. Один раз мы шли по карнизу к Хорде. Постояли там и хотели заворачивать обратно, как сверху прилетел человек. Мелькнул – и дальше вниз. Забавно, да?

Ивон расхохотался.

Рик чувствовал себя опустошенным. Перед сменой он решил зайти в свой жилой блок, захватить теплую куртку и кое-какие вещи. У двери стояли Киото с Авророй. Старик и девочка выглядели встревоженными.

– Что случилось?

– На детских уровнях перебои с отоплением. Сегодня отрубили на полдня, и сразу стало холодно. Я дал твоей сестренке часть своих тряпок. Они чистые. Не возражаешь?

– Конечно, нет. А что у вас?

– Пока нормально, – улыбнулся Киото. – Упало на пару градусов. Кое-кто из наших окончил, но все равно они долго не протянули бы. Греюсь самогонкой. Ходят слухи, что готовится уплотнение. Для экономии. С пятидесяти уровней Коммуна ужмется до сорока. Куда уж дальше...

– Слушайте, мне в наряд надо идти, так что вы располагайтесь, грейтесь и все такое. Потом поболтаем.

– Без проблем, ты же меня знаешь, дружище Рик.

– Не уходи, Рик... – вдруг захныкала Аврора.

– Почему? – склонился он над ней. Девочка залезла к нему под куртку.

– Не знаю. Мне страшно.

Рик гладил ее по голове.

– Глупости. Все будет хорошо. Скоро я вернусь из Патруля, а пока с тобой побудет дядя Киото. Он тебя накормит и поиграет с тобой. Да?

– Конечно.

Рик обменялся со стариком взглядом. Киото спровадил девочку в комнату и вышел в коридор.

– Что-то в секторе делается, – сказал он. – Неладное. Ребенок пропал. Девочка. Никто ее не видел, нигде найти не могут. Ребенок, оно и понятно. Она маленькая, не сможет отбиться. У старых типа меня тоже силенок маловато. У женщин тоже... Будь осторожен, Рик. Я видел, как патрульный шел по цеху и сделал замечание рабочему, а рабочий плюнул ему на ботинки. И патрульный ничего не сделал, потому что все сразу прекратили работать. Смотрели на него. А он, дурак, один туда сунулся, в цех.

Рик кивнул.

– На, возьми. Тебя никто обыскивать не будет. – Киото сунул ему свернутый листок.

– Зачем?

– Бери, говорю тебе.

Рик сунул листок в карман и, не прощаясь, пошел прочь. На сердце у него было тяжело. На спине он чувствовал взгляд старика.

Заступив в наряд, он простоял у южного входа в малую дугу положенное время. Задумчиво наблюдал за пустым темным пространством впереди. Если рядом детали коридора еще были различимы, то дальше начиналась тьма. Тьма и холод. Тьма окружала их со всех сторон, подкрадывалась к сектору и впивалась колючими иглами холода в каждого, кто обитал здесь. Она побеждала, а человек проигрывал.

И никакой бог из Машины не мог ему помочь. Рик стоял на посту, вспоминал события сегодняшнего дня и думал. Размышлял основательно, неторопливо перекатывая в голове мысли-кашечки, которые постепенно складывались в единую картинку. Картинке не хватало еще многих деталей, но общие контуры уже проступили. Этого было достаточно.

Когда смена кончилась, он доложил по заведенному порядку, но, вместо того чтобы вернуться домой, отправился по карнизу к Хорде. Пространство почему-то больше не пугало его. Проходя мимо дыры в карнизе, он помедлил. Что-то блеснуло на полу. Он склонился и подобрал этот странный предмет. А потом вспомнил, что видел его в ухе той девушки.

Когда Рик достиг Хорды, холод Пространства стал прокрадываться под одежду и щипать лицо. Он вышел на балкон. Взглянул на запечатанные ворота сектора – точно такие же открыты на десять уровней выше. Рик спокойно положил свой жезл, отошел от него на пять шагов, сел на пол, подогнув под себя ноги, и стал ждать. Становилось холоднее. Значит, спускается ночь. Где-то там его ждут старик и сестра, но есть дела важнее.

Рик ждал, готовый ко всему.

Главное – не заснуть. Иначе он никогда не проснется.

Великая Хорда безмолвно парила перед ним, пронзая Пространство. Где она начиналась? И где заканчивалась? Катехизис утверждает, что она бесконечна. Но что, если это не так? Опасные вопросы. Именно так впадают в ересь.

Часть Хорды была освещена огоньками с уровней сектора, но остальное скрывалось в непроглядной тьме. Рик встал. Холод основательно подморозил его; не мешало согреться. Очень медленно он подошел к краю балкона, вглядываясь вверх. Глаза привыкли к темноте. Хорда тянулась далеко вверх не на один десяток уровней и исчезала там, поглощенная тьмой. Рик лег на край и глянул вниз, цепenea от страха. Воистину, пропасть не имела дна. Он поблагодарил тьму за то, что скрывалось в ней, – ведь оно способно свести с ума любого смертного.

– Там довольно глубоко, – произнес чей-то голос.

Рик отпрянул от края. Жезл! Слишком далеко. Какой же он глупец. Это будет самая нелепая смерть за всю историю Коммуны! Неподалеку на краю стоял человек. В одной руке он держал фонарь, другой хватался за тонкий стальной трос.

– Кто ты? – прошептал Рик. Он хотел закричать, но подвел голос.

– Меня зовут Ахмед Корманкур.

– Два имени? Ты человек или дух?

– Человек, такой же, как и ты.

Рик изумленно вглядывался в его молодое лицо. Похоже, это был юноша, но с чертами лица, кардинально отличными от людей Коммуны: густые брови, толстые губы, крупный нос. И кожа такого темного оттенка, что казалась почти черной.

– Ты прибыл из иных миров?

Ахмед сказал:

– Да.

– Зачем?

– Мы кое-что ищем.

– «Мы»? Ты не один?

– Теперь я один. С тех пор, как твои люди схватили моих друзей. – Ахмед слегка ослабил натяжение троса. – Я все видел. Поэтому решил с тобой поговорить.

Значит, не показалось.

– Что ты смотришь туда? Бери свою палку, я тебя не трону.

Рик подобрал оружие. Это помогло вернуть уверенность. Он немного успокоился.

– Сегодня состоялся суд над твоими сородичами. Один из них отправлен во тьму.

Ахмед помрачнел.

– А что с остальными?

– Ожидают своей очереди. Завтра и послезавтра.

– Только не это... – с отчаянием сказал пришелец.

– Ты говоришь на нашем языке, – заметил Рик.

– У нас общий язык. Тебя это удивляет?

– Я не ожидал...

– Да, все забываю. Ваш сектор так долго жил в изоляции, что вы считаете себя единственными во всем мире.

– Наш сектор? – удивлению Рика не было предела. – О чем ты говоришь, варвар?

– Варвар... – усмехнулся Ахмед. – Вот как вы нас называете.

– Всех, кто обитает в Пространстве.

– Понятно. Как твое имя?

– Рик.

– Могу ли я тебе доверять, Рик?

Рик совсем позабыл про свои обязанности и статус. Ведь сейчас он должен арестовать дикаря и конвоировать его в тюрьму. Он колебался. Ахмед это заметил.

– Ничего хорошего от тебя ждать не стоит, верно?

– Ты прав. Но я, – Рик тяжело давались слова, – изменил решение.

– Почему? – с искренним любопытством спросил Ахмед.

– Не хочу, чтобы девушка шагнула в бездну. Да и тот дикарь тоже. Вы не похожи на лазутчиков.

Ахмед разглядывал его с минуту. Его чудесный фонарь горел сам по себе и не требовал приложения усилий. Его лицо не было искажено ни злобой, ни хитростью. Глаза смотрели прямо. Варвары так бы себя не вели. Но, может, это уловка, какая-то игра? Рик мучился от подозрительности. Потом окончательно решился: будь что будет. И опустил жезл.

- Спасибо тебе. – Ахмед отпустил трос и протянул Рикку свободную руку. – Ты первый из нижних, с кем можно нормально говорить.
- Нет, – усмехнулся Рик, – мы на верхних уровнях. Нижние начнутся после двадцатого.
- Как ты сказал? – Ахмед расплылся в ослепительной улыбке. – Двадцатого?
- Что здесь смешного?
- Рик! Наш отряд прибыл из сектора «К» – Каппа. Это семьсот пятидесятый этаж и выше.

7

По лучевому коридору тюремного уровня шли двое: пленник и страж. Прохожие с любопытством разглядывали добычу патрульного – таких чернокожих людей им еще не доводилось видеть. Патрульный воплощал собой само напряжение. На окаменевшем лице метались глаза, выискивая знакомые ориентиры. Маленький конвой прошагал почти до самого конца коридора и остановился возле дверей комнаты коменданта.

Рик постучал. Дверь не сразу открылась, наружу выглянул заспанный тюремщик.

– Чего надо?

– Брат Шо, я поймал на карнизе еще одну крысу. – Рик указал на своего пленника.

Тюремщик вытаращился на Ахмеда.

– Где ты его откопал?

– Он сам упал на меня сверху. Спускался по ниточке как паук. Тут-то я его и сцапал. Подлец хотел удрать, ну, я его малость остудил.

Для убедительности Рик ткнул пленника концом жезла в бок. Тюремщик окончательно проснулся и вытащил кинжал.

– Так-так. Очень хорошо. Чудесно! Молодец, Рик. Спасибо, я отведу его к дежурному комитетчику.

– Не за что, брат. Вот только... – Рик опасливо посмотрел на Ахмеда. – Этот черт силен как бык, понимаете? Как бы чего не случилось...

Тюремщик оценивающе взглянул на Ахмеда и кивнул:

– Да, ты прав. Лишняя осторожность не помешает. Пойдем со мной.

Они прошли по лучевому коридору в обратную сторону, туда, где находилась лестница. Время было позднее. Но, несмотря на это, каждый этаж патрулировался. Троица завернула на лестницу и стала подниматься. Не успели они пройти и одного пролета, как Ахмед споткнулся и упал ничком.

– В чем дело? – рявкнул Шо.

– Нога, – заскулил Ахмед с такой болью в голосе, словно навсегда утратил возможность ходить.

Тюремщик склонился над Ахмедом, приставив к его горлу кинжал.

– Меня этим фокусом не проведешь! Вставай, крысеныш, а не то я тебе вторую ногу сломаю!

Рик коротко замахнулся и приложил Шо по затылку. Тюремщик засипел, как прохудившийся воздуховод. Рик ударил снова. Шо повалился на Ахмеда. Пыхтя и отдуваясь, Рик помог сообщнику выбраться из-под массивной туши.

– Что дальше?

Рика охватила паника. Его карьера рухнула. Путь назад отрезан. Но вслед за этим наступили удивительная легкость на душе и ясность действий. Он мгновенно взял себя в руки. Быстро обыскал Шо, вынул связку ключей. Вместе они оттащили тело к стене и кое-как запили его за батарею отопления. Одна рука постоянно выпадала, никак не желая сгибаться.

– Хватит! У нас нет на это времени.

В любой момент сверху или снизу могли показаться люди. Рик вывел Ахмеда назад и, как прежде, изображая конвойного, повел его к камерам, где находились варвары. В дальнем конце коридора спиной к ним прогуливался конвой. Кто-то из пленников тянул унылую песню. Они прошли до нужной камеры. Хоть Рик не умел читать и не знал цифры, он прекрасно справлялся со счетом: камеры одиннадцатая и двенадцатая, если идти от лестницы. Вот они. Рик в замешательстве уставился на связку ключей, перебирая их в руках. Ключи были одинаковыми.

– Смотри на цифру и ищи ее на ключе, – прошептал Ахмед.

Рик послушно принялся искать. Он перебрал с десяток ключей, но вот в руке блеснул подходящий. Рик с невозмутимым видом сунул его в замок и открыл камеру. Они вошли внутрь. В камере должна была находиться та девушка. Но там сидел какой-то человек. Не варвар. Они ошиблись!

Арестант и юноши уставились друг на друга.

– Ты кто?

В горле у пленника заклокотало. Рик присмотрелся. Этот человек казался знакомым. Он привстал с лежанки и слепо уставился на свет.

– Вы пришли убить меня? – прохрипел он.

– Нет.

– Тогда зачем вы пришли?

Рик осторожно приблизился. Но пленник не повернул вслед за ним голову. Он и впрямь был слепым. Заросший седой бородой по самые скулы, с потемневшими зубами, весь пропитанный запахом нечистот. Человеческий обломок.

И тут Рик вспомнил. Давным-давно, лет пятнадцать назад, когда он был совсем карапузом, рядом с ними жила семья. Отец работал монтажником, а мать, как водится, возилась на грядках. Был у них сын, одноклассник Рика. И однажды случилось в этой семье несчастье – мальчишка свалился с балкона, сильно расшиб себе спину. Лекарь сказал, что ходить он больше не сможет. Никогда. Потому что перебит позвоночник. Тогда отец пошел к жрецам и молил их обратиться к богу Машины, чтобы тот сжалился над семьей. Жрецы выслушали, пообещали помолиться, но оказались бессильны. Монтажник не отступал, многие дни он обивал пороги Комитета, Смотритель принимал его, но ничего не сделал. Кто-то шепнул, что надо искать лекарство за барьером, в темноте Пространства. Недолго думая, монтажник собрался и ушел из Коммуны. Жена ходила в гости к маме Рика, они долго сидели за столом и беседовали. Она плакала и жаловалась на судьбу, а мама утешала ее, и Рик развлекал того мальчика. Шли месяцы, о муже не было вестей, и все решили, что он сгинул в Пространстве навсегда. Жена его как-то привыкла к увечью сына и смирилась.

Но он вернулся. Мать-тма выпустила его из своих цепких объятий. Он не только сумел выжить, но и принес с собой какое-то хитроумное устройство, которое следовало прикладывать к спине сына. Смотритель лично спустился к их дому, чтобы посмотреть на него и понаблюдать, как работает эта штука. Мальчика перевернули на живот и положили на спину серебряный диск, который зажужжал и осветился красным. Все молча наблюдали за этим. Когда диск стал зеленым, отец ущипнул сына за пятку и тот вскрикнул от боли – ноги вновь его слушались. Смотритель ушел, не сказав ни слова.

Вернувшийся монтажник стал рассказывать небывалые вещи о Пространстве. Он клялся самым святым, что говорит правду, хоть это и шло вразрез с догмами Писания. Земляки с интересом слушали его, но считали безумцем. Монтажник вернулся к работе, но не прошло и недели, как стал слепнуть. Почему так получилось, никто не знал. А затем он исчез. Все решили, будто опять ушел за барьер, только жена, объятая горем, отрицала это. Потому что исчезла чудесная машинка, которой он вылечил сына.

Что случилось с ними потом, Рик не помнил.

– Чего вам надо? – допытывался слепец.

– Нам нужна девушка. Ее должны были посадить в эту камеру, – сказал Рик.

– Девушка, – пробормотал узник. – Девушка.

– Пойдем, от него толку мало, – позвал Ахмед.

Рик был того же мнения. Они отступили к двери камеры.

– Девушка. Кричала. Плакала. Девушка. Они вели ее по коридору. Они сказали: вызывает, приказал привести. Они сказали: третий раз за день... сказали они...

Бормотание стало невнятным и превратилось в серию свистящих звуков.

– Не знаю как ты, а я, кажется, догадался, – сказал Ахмед. – Спасибо.

– Вы бывали на краю мира? – спросил слепец. – А я был. Там так светло, что больно глазам. Я до сих пор вижу этот свет...

– Какой свет?

Пленник ничего не ответил; он скорчился на лежанке, повернувшись к ним спиной. Когда они открыли дверь и хотели выйти в коридор, он вдруг громко сказал:

– Солнце вышло из-за туч, уронило теплый луч.

И безумно расхохотался, давясь и всхрипывая. Ахмед и Рик заглянули в соседнюю камеру. Мужчины-варвара с усами тоже не было. Не мешкая, напарники отправились на верхний уровень. Там располагались органы власти, там вели допросы и судебные процессы. Снова они примерили на себя испытанные роли. На этаже находилось человек пять патрульных. Кто-то был знаком Рик по нарядам за барьер. Он кивнул им:

– Где допрашивают тех дикарей?

– Среди которых девчонка? Вон там, – охотно показали ему. – Третьего ведешь?

– Точно!

Они подошли к кабинету. У входа стоял патрульный. Рик рассказал ему свою ложь. Патрульный мазнул по Ахмеду любопытным взглядом, козырнул:

– Сейчас доложу.

Он исчез за дверью. Рик почувствовал, что его сердце готово вырваться из груди. Ладони стали скользкими от пота.

– Что будем делать? – шепнул он.

– Как выйдет, толкнем обратно и навалимся.

Патрульный снова показался в дверях, но не вышел.

– Заходите, – равнодушно сказал он, отступая вглубь.

Рик даже удивиться не успел. Они зашли. Комната была просторной. Во всю противоположную стену тянулось окно. В углу стоял стол, за ним сидел человек и что-то писал в свитке. Еще один стоял возле окна, где было видно второе помещение, ярко освещенное. Там, внутри, привязанные к стульям, сидели варвары, и двое инквизиторов трудились над ними. Человек встал из-за стола, заложил руки за спину и подошел к Ахмеду с Риком.

– Мы вас заждались. Прошу. – Он пригласил их подойти к стеклу.

Все выглядело так, словно они были предупреждены. Напарники медленно подошли к стеклу. Сзади щелкнул завод жезла. Этот звук Рик ни с чем не мог спутать.

– Рик, спасибо за труд. Ты показал себя просто блестяще. – Человек похлопал его по плечу. – Смотритель Крез рекомендовал тебя как очень талантливого молодого человека, но я и не подозревал, что ты на такое способен. Привести сюда этого дикаря без лишнего шума. Я впечатлен. А вы? – Он обратился к Ахмеду. – Вот, полюбуйтесь на своих товарищей.

Но Ахмед смотрел не за стекло, а на Рика.

– Я не знаю, о чем он говорит, – сказал Рик.

– Ты обманул меня, – сказал Ахмед.

– Ну-ну, – сказал комитетчик. – Какой неловкий момент. Не мучайся, Рик, эта ложь – во благо Коммуны.

– Какая ложь? Я говорю чистую правду!

– Конечно, Рик. И чем убедительнее твоя ложь, тем она больше похожа на правду. Ложь становится правдой, когда искренне веришь в нее. Ты был так убедителен перед ним, потому что поверил в свою ложь.

– Ты – грязный подонок! – крикнул Рик комитетчику, сжав кулаки.

Улыбка на лице комитетчика превратилась в хищный оскал.

– Поосторожней, молодой человек. На первый раз я тебя прощаю. Но впредь знай свое место! – И он отвесил Рик звонкую пощечину. – Запомни: вся твоя никчемная жизнь, твое

тело и твоя душа принадлежат Коммуне, потому что она дала тебе дом, пищу, одежду, тепло. Ты должен быть счастлив, что родился здесь, а не за барьером, как эти животные. Каждую секунду своей щенячьей жизни ты должен благодарить Комитет и Смотрителя за свое счастливое детство и юность. А за то, что стал патрульным и удостоился высокой чести служить Коммуне с оружием в руках, ты вообще должен ползать на коленях! Поэтому подумай, на кого разеваешь пасть!

Рик, охваченный жаром ненависти, смотрел в пол. Он чувствовал, как пылает его лицо, особенно щека, принявшая удар, как горят огнем уши и гулко стучит сердце.

– Тебе еще многому предстоит научиться. И первым делом надо бы усвоить простую вещь: всегда приходится чем-то жертвовать во имя высшего блага. Ты же не хочешь, чтобы люди Коммуны погибли в мучениях от холода и голода? Братья и сестры Коммуны верят и надеются, что бог Машины поможет им, а Комитет, его проводник, спасет их. Их нельзя разочаровывать. А ведь по твоей вине Коммуна может погибнуть. Пойми! Эти варвары – наш шанс найти божественный огонь, их жизни не стоят и ломтя черствого хлеба по сравнению с жизнью самого последнего калеки в секторе Омикрона! Не забывай также про свою сестру. Решай, что тебе дороже, ее жизнь или благополучие этих... зверей. – Комитетчик повернулся к Ахмеду. – А ты, дикарь, смотри на своих друзей и готовься.

Рик зарычал и ударил комитетчика кулаком в нос. Это был хорошо поставленный удар – часы тренировки в свободное время прошли не зря. Нос хрустнул, как хорошо высушенный ломоть хлеба. Комитетчик взвыл. Рик почувствовал страшный электрический удар по почкам. Но произошло что-то еще. Он услышал шипение. Ахмед схватил его за плечо и насадил на нос какую-то ракушку; сам он надел точно такую же. По комнате молниеносно разлились клубы тумана, в которых потонули мечущиеся люди. Стражник сзади распахнул дверь, вывалился наружу, но спустя три неверных шага рухнул наземь. Газ выползал наружу, в коридор. Комитетчик и его напарник уже лежали без сознания. Ахмед и Рик спрятались за дверь. В коридоре слышались крики бегущих патрульных, но едва те достигли комнаты, раздались стоны и звуки падающих тел.

– Усыпляющий газ, – подмигнул Ахмед. – Классная штука!

– Спасибо, – сказал Рик. – Я не врал.

– Потом. Надо освободить моих ребят.

Мучители в камере пыток почуяли неладное. Едва они открыли дверь, Рик выплеснул на их головы всю свою ярость, мастерски орудуя жезлом. Первый упал, сраженный без лишнего шума, а вот второй заголосил, отчаянно сопротивляясь и швыряя в Рика пыточные орудия. Парень настиг и его и, когда все было кончено, запоздало понял, что вырубил взрослого сильного мужика.

Ахмед нацепил на носы девушки и усатого варвара дыхательные фильтры. На пленников было больно смотреть – ни одного живого места инквизиторы не оставили на их лицах, особенно поработав над мужчиной. Рик взвалил его себе на плечи, в то время как Ахмед помогал девушке встать со стула.

– Надо убираться отсюда! – крикнул Ахмед.

– Сейчас они поднимут тревогу.

– Куда бежать?

Рик мгновенно выстроил по памяти всю схему сектора. Выходы из коридоров перекрыты. О том, чтобы бежать туда, не могло идти и речи.

– Вниз, – скомандовал Рик. – Там разберемся.

Газ плотным облаком окутал коридор, и любой, кто совался сюда, падал оземь, усыпленный. Но его действие не могло продолжаться вечно. Рик метнулся было к лестнице: оттуда слышались голоса.

– Мы в ловушке! Вторая лестница слишком далеко, и пока мы доберемся до нее, нас схватят.

– Так давай спустимся на лифте, – предложил Ахмед.

– Спустимся на чем?

– Понятно. Где длинный вертикальный тоннель?

Рик лихорадочно соображал.

– Лебедка?

Крики патрульных становились все ближе.

– Да, да! Где она?

Беглецы подбежали к распаханной шахте с подъемником. Люди постарше рассказывали, что когда-то лебедка работала по воле бога Машины – это была кабина, которая двигалась вниз и вверх. Но сейчас ее приходилось приводить в движение механическими усилиями. Лебедкой пользовались, только когда надо было транспортировать тяжелые грузы.

Газ почти рассеялся. В дальнем конце коридора маячили патрульные – страшно ругаясь, они ждали и готовы были броситься в погоню. Ахмед вскрыл панель возле створок, быстро набрал комбинацию кнопок на малом алтаре. Что-то загудело в чреве шахты. Алтарь замерцал зеленым цветом.

– Работает! – выдохнул Ахмед.

– Как тебе удалось? – изумился Рик. – Ты умеешь говорить с богом?

– Не понимаю, о чем ты.

Патрульные подбирались все ближе.

– У тебя есть еще этот волшебный газ?

– Есть, последняя капсула, но его надо экономить!

Чтобы задержать погоню, Рик кое-что придумал. Он воткнул жезл в одно из углублений, какими был испещрен коридор и стены каждого уровня, включил разряд и зафиксировал его. Жезл затрещал молниями, хаотично посылая их вверх. Те отражались от потолка и стен и корчились в воздухе под немыслимыми углами. Рик наклонил жезл в сторону преследователей. Образовалось что-то вроде завесы из танцующих фиолетовых разрядов.

– Рик!

Он увидел в тридцати шагах лицо Ивона, обезображенное злобой.

– Что ты творишь?!

Он ничего не ответил.

– Это мятеж! Остановись, пока не поздно!

Рик молча отступил к лебедке. Кабина как раз поднялась, и Ахмед затаскивал туда своих товарищей. Мужчина-варвар пришел в себя и смог держаться на ногах. Ивон продолжал призывать Рика к повиновению, но они уже запрыгнули в кабинку, и Ахмед нажал на кнопку. Лифт поехал вниз.

Створки были открыты везде. Перед ними замелькали уровни, и каждый коридор был виден насквозь, со всеми, кто находился там. На уровне глаз мерцала иконка бога-Машины с мигающими символами. Рик догадался, что она обозначает. Первые пять уровней остались наверху; их коридоры были хорошо освещены, чисты и нарядны. Люди там ходили в золотистых одеждах. Затем последовали уровни четвертого круга, не такие опрятные, хотя и освещенные вполне прилично. Здесь люди ходили в зеленом. На уровнях третьего круга, где находилась его комната, люди одевались во все красное, и лампы здесь горели вполсилы. Затем лифт спустился в зону сумрака – мимо общежитий рабочих. Те двигались по коридорам тенями, потому что носили черные одежды. Казалось, по коридорам порхают светляки. То были ручные катушечные фонарики. Наконец лифт миновал второй круг жизни, где юное поколение обязано было носить желтые костюмы. Здесь было чуть светлее, но и вполтину не так, как наверху. Но кабинка не остановилась.

– Куда ты едешь? – спросил Рик.

– На самый первый этаж вашего сектора, – сказал Ахмед.

– Но ведь оттуда нет выхода!

– Выход есть, – сказала девушка. Она пришла в себя и сидела на полу, в углу кабинки. – У каждого сектора есть выход вверх и вниз, на технические этажи.

Снова темнота. Почти полная. Только оранжевые точки светильников указывали на какое-то подобие света. Уровни последнего круга жизни напоминали дно огромной мутной лужи. То здесь, то там в коридорах вспыхивали огоньки, чтобы сразу погаснуть.

– Кто здесь живет? – удивился Ахмед.

– Те, кто вышел из пятого круга. Старые люди. А еще больные и калеки.

Лифт остановился. Ахмед включил свой фонарь. Луч света пронзил темноту, выхватывая из нее скорчившиеся тела. Живые заслоняли глаза руками, мертвые лежали вдоль стен, словно забытые кем-то предметы. Девушка тоже включила свой фонарик, как и усатый варвар. Беглецы медленно шли вперед.

– Как вы можете держать их здесь? – возмущенно спросила девушка.

– Они отжили свое. Разве держат на кухне сломанный нож? – спокойно возразил Рик.

– Человек – не нож!

– Хватит! – оборвал Ахмед. – Не время спорить. Сколько у нас есть в запасе, прежде чем они спустятся вниз?

– Спускаться всегда легче. Минут пять, шесть. Мы еще успеем подняться наверх, чтобы проскочить в нижний коридор.

– Это не вариант. Посмотри на раненых! Они еле ходят!

Оттесняя стариков в сторону, перед ними выскочил Киото.

– Рик! Что ты здесь делаешь?

– Теперь я преступник. Некогда объяснять, – ответил парень. – Варвары говорят, что отсюда есть выход.

– Это правда!

– Что? Ты знал?

Старик расплылся в довольной ухмылке:

– Конечно. Пойдемте!

Он провел беглецов в боковой коридор. Там они завернули в еще один, гораздо ниже и совсем не освещаемый, загроможденный всевозможным хламом настолько, что приходилось двигаться гуськом. Киото открыл две или три двери. Под ногами чавкало, с потолка капала вода.

– Распределительная станция, – сказал старик.

– В каждом секторе, – подтвердила девушка. – Вы инженер?

– Нет. Обычный водопроводчик.

Коридорчик привел их в овальное помещение, высотой в два уровня. Весь потолок и стены были усеяны трубами, большими и малыми, которые переплетались между собой. Часть из них уходила дальше, другие подсоединялись к огромным цистернам на помостах. Пахло нечистотами. Помещение освещалось слабым рассеянным светом, проникающим из неизвестного источника под самым потолком. В свете плясали пылинки.

– Вот! – Киото указал на люк в полу.

Рик попытался повернуть бублик ручки, но не преуспел в этом деле. На ладонях остался густой ржавый порошок.

– Заело.

Ему помогли Ахмед и старик, втроем они навалились на рычаг люка, но едва сдвинули его на полпальца.

– Слишком долго было закрыто. Металл приварился...

– Попробуйте это как рычаг. – Усатый варвар бросил перед ними толстый стальной штырь.

Ахмед схватил его и вставил в ручку. Они снова нажали, и на этот раз ручка, кряхтя, уступила. Дальше дело пошло легче, и вскоре беглецы стояли над дырой в пропасть. Ахмед посветил вниз фонарем.

– Здесь невысоко, но тьма – крошечная.

– Спускаемся. – Девушка юркнула в люк первой.

За ней, соблюдая предосторожности, прыгнул усатый. Ахмед задержался.

– Спасибо вам, – сказал он старику.

– Не стоит.

– Жду тебя внизу, – Ахмед исчез во тьме. Там уже мелькали огоньки фонарей.

– Ну, – подбодрил Киото. – Прыгай.

Рик растерялся:

– Но я... из Коммуны.

– Ты уже не человек Коммуны. Сам знаешь.

– А как же Аврора?

– Я позабочусь о ней. Она будет в безопасности. И о себе я позабочусь, у меня достаточно опыта, чтобы справиться с этой задачей. А вот твоя главная задача – найти источник божественного огня и спасти всех нас.

– Прыгай! Чего ты ждешь? – позвали снизу.

Рик посмотрел в дыру люка. Внизу ждало Пространство, полное неизвестных угроз. Решение принято.

– До встречи.

– Пока, Рик. На обратной стороне есть защелка, она блокирует люк снизу.

Рик юркнул вниз, последний раз глянул на Киото. Тот сказал:

– Возвращайся, со щитом или на щите.

И захлопнул за ним крышку.

8

Малейший, даже самый тихий звук гулко отдавался в пустоте. Судя по далеким отзвукам, они попали в очень большое помещение, но его истинные габариты скрывала темнота, которую был не в состоянии рассеять даже свет фонаря. Впрочем, тьма стала постепенно отступать, по мере того, как глаза привыкали к отсутствию света. Беглецы прошли сотню-другую шагов, пока не наткнулись на стену. Ахмед стал методично осматривать эту стену, двинувшись направо. Девушка, она откликнулась на имя Майя, пошла налево.

Рик и усатый варвар по имени Райнер остались ждать. Рик рассеянно водил по полу пальцами. Поверхность имела непривычное происхождение: что-то шероховатое, не такое гладкое, как полы и стены родной Коммуну.

– Бетонопласт, – сказал Райнер. – Сверхпрочный, но легкий материал.

– Откуда вы знаете?

Райнер был вдвое старше своих молодых спутников. Почти все его лицо инквизиторы превратили в один большой синяк. Выглядел он неважно.

– Изучал спецификации. – Он запоздало сообразил: – Ты, наверно, не знаешь, что это такое? Это документ, содержащий основные характеристики материала: вес, масса, химический состав, плотность... Ты умеешь читать?

– Нет, – признался Рик, благодарный тьме за то, что та скрывает его смущение.

– Ага, ну с этого и надо было начинать. Вас в вашей Коммуне не учат ни письму, ни чтению?

– На это имеют право немногие. Избранные.

Райнер сморщился и пощупал бок.

– Зато колошматить людей вы умеете здорово. Кажется, сломано одно или два ребра. Больно дышать.

– Я не лекарь...

– Даже будь ты врачом, здесь ты не смог бы мне помочь.

– Нашла! – крикнула слева Майя. – Дверь.

Они поспешили к девушке, которая внимательно читала надписи на большой двустворчатой двери черно-желтого цвета с красным кругом точно посередине. Рик видел знакомые символы и иероглифы, но те складывались в непривычные сочетания. Самым большим иероглифом был «П».

– Она выводит на шапку второго эона. Чувствуете?

Все прислонились к двери. Из щелей тянул сильный сквозняк. Завывал ветер. Оттуда веяло холодом – настоящим морозом, который не просто превращает воду в лед, он делает из теплокровного человека остывшую мумию. Такие холода считаются самыми страшными в Коммуне и царят в секторе от двух до трех недель.

– Значит, мы на верном пути, – устало сказал Райнер. – Прежде чем двинемся дальше, предлагаю сделать привал на пару часов.

– Они отняли наши вещи со всеми запасами еды. – Майя исподлобья глянула на Рика. – Все пакеты с концентратами, медикаменты, снаряжение и карты!

– У меня осталась вода, – вставил Ахмед и вытащил флягу. Воду пустили по кругу.

Майя осмотрела усатого варвара с тревогой, и хотя на лице ее отражалась боль, она немного успокоилась. Беглецы уселись вдоль стены, слишком истощенные от физического напряжения и травм, чтобы попытаться заснуть. Девушка угрюмо перебирала в руках содержимое карманов. Райнер просто сидел и смотрел вперед. Ахмед перекладывал вещи в рюкзаке. Рик положил перед собой боевой кинжал и на секунду закрыл глаза. Открыл и снова посмот-

рел на оружие. Вдруг тьма ворвалась в его сознание, лишила его тела, рук и ног, отняла у него мир и время, подарив взамен саму себя. Откуда-то издали доносился тихий разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.